

А. ГИРСКИС
Б. ЯУНИШКИС

МИССИОНЕР

А. ГИРСКИС, Б. ЯУНИШКИС

Я-МИССИОНЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1975

Перевод с литовского

Д. Бальчюнайте

Вступительная статья
доктора исторических наук

И. Р. Григулевича

Гирскис А. К. и Яунишкис Б. Ф.

Г51 Я — миссионер. Пер. с литов. М., Политиздат, 1975.

128 с. с ил.

Эта документальная повесть рассказывает о деятельности католических миссионеров в Эквадоре. В ней разоблачаются методы идеологической обработки людей, которые применяют монахи для «обращения» в христианскую веру коренных народов латиноамериканских стран и для усиления влияния среди них католической церкви. Один из авторов книги — бывший монах-салезианец — является очевидцем описываемых в книге событий.

Книга рассчитана на самые широкие читательские круги.

Г 10509—067
079(02)—75 302—75

29

© ПОЛИТИЗДАТ, 1975 г.

ПРАВДА ОБ ОТЦАХ-МИССИОНЕРАХ

Книга литовских авторов А. Гирскиса и Б. Яунишкиса «Я — миссионер» рассказывает о молодых монахах салезианского ордена, которых желание повидать мир и послужить «на ниве господней» забросило в далекий Эквадор.

Католический монашеский орден салезианцев был основан в 1846 г. По уставу ордена его члены должны заниматься воспитанием сирот и нуждающихся детей. Под этим предлогом орден добивается получения от частных лиц и государственных учреждений денежных пожертвований и всяких льгот. Он владеет крупной недвижимой собственностью и участвует во всякого рода финансовых операциях и сделках. Монахи-салезианцы рекрутируются в католических странах Европы и США. Действуют же они в основном в странах Латинской Америки, Африки, Азии. Имеются салезианские миссии и в Эквадоре — стране, расположенной на Тихоокеанском побережье Южной Америки, с населением в 7 миллионов человек.

В течение веков Эквадор был предметом экспансии католической церкви. Какие только монашеские ордена не «трудились во имя господ» в Эквадоре! Иезуиты, францисканцы, доминиканцы, салезианцы и десятки других. Многие из них обосновались в этой стране еще со времен испанской колонизации, обращая в христианскую веру индейцев, составляющих даже сегодня свыше 50 % населения Эквадора.

По количеству церквей, часовен, монастырей Эквадор может соперничать с самой Испанией. Если судить по этим внешним признакам набожности населения, то Эквадор можно было бы причислить к одной из самых религиозных стран мира.

Но не будем спешить с выводами. Ознакомимся более подробно с историей католической церкви в этой стране.

Завоевание Эквадора испанскими конкистадорами (первая половина 16 в.) связано с известным драматическим эпизодом: пленением, а затем убийством инкского правителя Атауальпы¹. В этих событиях деятельное участие принимал доминиканский монах Висенте Вальверде, духовник и политический советник конкистадора Франсиско Писарро и один из первых представителей католической церкви на землях Эквадора.

Когда Атауальпа согласился явиться на переговоры с Писарро в Кахамарку, его встретил Вальверде с крестом в одной руке и с Библией в другой и зачитал ему «рекеримьенто» («требование») — своеобразный ультиматум, сочиненный испанскими теологами. В нем заключалось требование беспрекословного подчинения индейцев испанскому королю на том основании, что папа римский — наместник бога на земле — даровал ему все земли, «открытые» конкистадорами. В случае неповиновения, говорилось в «рекеримьенто», конкистадоры завоюют их земли огнем и мечом, а самих индейцев обратят в рабство.

Согласно свидетельству хронистов, Атауальпа на требование отца Вальверде ответил:

— Ваш папа, должно быть, был пьян, когда дарил испанскому королю чужие земли.

Вальверде сунул Атауальпе Библию. Монах заявил, что эта «священная» книга подтверждает законность испанского «рекеримьенто». Атауальпа приложил книгу к уху и, подержав немного, бросил ее на землю, сказав, что она ему «ничего не говорит».

Вальверде только и ждал этого. Он стал истошно вопить: «Мы должны отомстить! Эта собака презирает закон Иисуса Христа и бросает наземь Евангелие!»

На крик миссионера сбежались конкистадоры во главе с их главарем Франсиско Писарро. Они перебили сопровождавших Атауальпу придворных, а его самого взяли в плен.

¹ Эквадор в то время являлся частью обширной инкской империи.

В течение долгих месяцев индейцы несли испанцам золото и другие драгоценности в надежде выкупить своего правителя. Когда они принесли конкистадорам все золото, которое у них имелось, Вальверде потребовал предать Атауальпу смерти. Монах сам состряпал «обвинительный акт», согласно которому Атауальпе вменялись такие «преступления», как идолопоклонство и многоженство. «Суд» конкистадоров признал Атауальпу «виновным» и приговорил к сожжению на костре. Инки, бальзамировавшие тела умерших, считали, что если тело будет сожжено, то душа лишится бессмертия. Воспользовавшись этим, Вальверде уговорил свою жертву принять перед казнью католичество. Крестным отцом выступил сам предводитель головорезов Писарро, в честь которого Атауальпа был наречен Франсиско. Тем самым инкский правитель удостоился от своих палачей христианской «великой милости»: вместо сожжения его подвергли традиционному для Испании виду казни — гарроте — удушению. Это произошло 29 августа 1533 г.

Некоторое время спустя Вальверде был назначен епископом Куско. Церковь присвоила ему почетное звание «покровителя индейцев». В 1541 г. он наконец получил по заслугам: индейцы убили его неподалеку от Гуаякиля. С тех пор доминиканский орден считает Вальверде великомучеником и святым.

Сопровождавшие испанских завоевателей католические церковники обращали индейцев в христианство силой, «как баранов», отмечает индейский хронист Гуаман Пома де Айала. Часто их приводили к священнику связанными, и единственным способом обрести свободу было согласиться на крещение.

Индейцы оказывали светским и духовным поработителям отчаянное сопротивление. В конце 1792 г. миссионер Хуан Антонио дель Росарио Гутьеррес писал: «Все потеряно: миссии, интересы короля, миссионеры убиты... Миссии разрушены, девять селений покинуты, и сотни душ или вернулись к идолопоклонству, или разлагаются во власти собственных пороков. Все это огорчает меня»¹.

¹ Цит. по кн.: *J. Friede. Los Andaki México, 1959, p. 247.*

Неудачи миссионеров вызывали жалобы и нарекания светских колонизаторов.

В 1791 г. коррехидор (начальник районной колониальной власти) Фелипе Гутьеррес в докладе вице-королю Новой Гранады, в юрисдикцию которого входила провинция Кито (тогдашнее название Эквадора), обвинил миссионеров в том, что они полностью провалились в деле евангелизации, приобщения к цивилизации и воспитания индейцев, находящихся на их попечении.

Миссионерам в Эквадоре вовсе не был присущ дух самопожертвования и идеализма, как это утверждают апологеты католической церкви.

Архиепископ Кито Федерико Гонсалес Суарес, автор семитомной истории Эквадора, вышедшей в конце XIX в., вынужден был признать, что поведение духовенства в Эквадоре в колониальный период ничего не имело общего с христианской добродетелью. Он писал: «Распушенность колониального духовенства не имеет себе равных в анналах католической церкви. Величайшим бедствием для нашего общества в колониальный период несомненно была скандальная распушенность наших монахов»¹.

Еще в начале конкисты церковники захватили почти половину всех земель в провинции Кито, и, хотя специальный королевский указ в 1539 г. запретил им приобретать недвижимое имущество, они продолжали концентрировать в своих руках земельную собственность.

Огромным влиянием и властью обладал в испанских колониях (и, в частности, в Эквадоре) иезуитский орден. Иезуиты, пишет Гонсалес Суарес, обогащались во всей Испанской Америке с «угрожающей быстротой». Им была присуща — общая для всех монашеских орденов — необузданная жажда земных богатств. Но никакой другой орден не сумел заполучить столько богатств, как Общество Иисуса. Недвижимая собственность иезуитов, их поместья принадлежали, несомненно, к лучшим в Эквадоре как по качеству земли, так и по тому, с какой заботой они

¹ *F. Gonzalez Suarez. Historia general del Ecuador, v. V. S. d., p. 495—496.*

управлялись. В них было более чем достаточно рабочей силы: индейцев — в горной зоне и негров-рабов — на сахарных плантациях в жарких долинах. Всего было в достатке у иезуитов. Они пользовались продуктами всех климатов тропической зоны — от соли до вина. Домашняя птица, свиньи, козы, огромные отары овец, табуны лошадей и ослов, отличный рогатый скот — все это имелось в их поместьях. Обладание такими разнообразными богатствами превращало иезуитов в самых могущественных капиталистов колонии, не без гордости отмечает Гонсалес Суарес¹.

Иезуиты были исповедниками и советниками колониальных вельмож, чиновников и помещиков, воспитателями их детей. В колонии не принималось ни одно важное решение без их ведома. «Богатые и знатные люди почитали для себя за честь дружбу с иезуитами, и их рекомендательные письма и положительные отзывы очень ценились как креолами, так и самими испанцами, ибо мнение иезуитов оказывало большое влияние и даже решало дела в королевском Совете...» — пишет Гонсалес Суарес.

В 1767 г., когда испанское правительство запретило иезуитский орден и из Эквадора выслали 182 иезуита, стоимость их недвижимого имущества была оценена в 4 миллиона песо, а их годовая рента — в 400 тысяч.

Изгнание иезуитов и реформы испанского короля Карла III несколько ослабили влияние церковников в колониях, в том числе в Эквадоре. В этой атмосфере стало возможным появление в Кито такой примечательной личности, как метис Эухенио Эспехо (1747—1795 гг.), автор ряда произведений, разоблачающих реакционную деятельность церкви. Инквизиция преследовала Эспехо, он был заточен в тюрьму, из которой вышел с надломленным здоровьем. Преследования и лишения свели преждевременно в могилу этого одаренного просветителя и ученого.

Брат Эспехо, священник Хуан Пабло, выступивший с критикой колониальных порядков, был сослан

¹ F. Gonzalez Suarez. Historia general del Ecuador, v. V, p. 249—251.

под строгий надзор на десять лет в монастырь в Куско (Перу). Преследования не испугали его. В 1809 г., когда народ поднялся на борьбу с испанскими колонизаторами, Хуан Пабло Эспехо стал одним из членов Патриотической хунты.

Церковные верхи, назначавшиеся испанскими властями, были тесно связаны с колонизаторами, многие же рядовые священники местного, креольского происхождения выступали за свержение испанского господства и провозглашение независимости.

Освободительная борьба, начавшаяся в Эквадоре несколько ранее, чем в других испанских колониях, приняла затяжной характер. После подавления ряда восстаний эквадорцам только в 1820 г. удалось при помощи венесуэльских и новогранадских патриотов свергнуть ненавистный колониальный режим. В течение последующих десяти лет Эквадор вместе с Венесуэлой и Новой Гранадой входил в состав республики Великая Колумбия.

В 1830 г. Великая Колумбия распалась, и Эквадор стал самостоятельным государством. Власть в Эквадоре перешла в руки хунты, состоявшей из представителей высшего духовенства и креольских помещиков, возглавляемой генералом Флоресом. Хунта провозгласила в том же году конституцию, которая, отражая интересы местной олигархии, устанавливала высокий имущественный ценз для избирателей и государственных чиновников и объявляла католицизм государственной религией.

В последующие годы страна неоднократно становилась ареной вооруженной борьбы между сторонниками либеральной и консервативной партий, на которые разделилось эквадорское общество. Либералы представляли интересы торговой буржуазии и передовых слоев интеллигенции, консерваторы — помещиков и церковной аристократии. Либералы сводили свою реформистскую деятельность к антиклерикальным мероприятиям: они высылали иезуитов, ограничивали влияние церковников на образование. Приходившие им на смену консерваторы отменяли антиклерикальные мероприятия либералов, возвращали иезуитов, восстанавливали привилегии церкви и т. д.

В 1860 г. власть в стране захватил ставленник помещиков и клерикалов Габриель Гарсия Морено, который установил деспотический режим, просуществовавший 15 лет.

В 1861 г. Гарсия Морено заключил с папским престолом конкордат, в результате которого, как отмечает американский историк А. Б. Томас, «церковь фактически стала самой могущественной силой в стране, сам же Гарсия Морено выступал в роли исполнителя ее воли. Так, папская корреспонденция проникала в Эквадор без всякой проверки; церковным судам стали подведомственны все дела, касавшиеся религиозных вопросов, и даже такие, как решение вопросов о завещаниях, браках, наследовании имущества, разводе и преступлениях. Вся система просвещения целиком перешла в руки монашеских орденов... Для подавления оппозиции были введены в действие суровые законы. Неверующих выдворяли из страны; масонские ложи были закрыты, либеральные мыслители — изгнаны. Все книги, журналы и газеты подвергались церковной цензуре»¹.

Гарсия Морено обязался перед папским престолом никогда не разрешать деятельности в Эквадоре какой-либо не католической церкви или организации, осужденной Ватиканом. Диктатор поклялся также преследовать всех врагов церкви, что относилось главным образом к деятелям демократической оппозиции, которые в период диктатуры Гарсии Морено подвергались беспощадному террору.

При Гарсии Морено страну наводнили иностранные церковники, главным образом из Франции и Италии. В каждой епархии была открыта духовная семинария. Без согласия духовных властей нельзя было ни поступить на государственную службу, ни печататься, ни выезжать из страны.

Огромную власть снова получили иезуиты, которые вернулись в Эквадор на основе специального соглашения, подписанного орденом с Гарсией Морено. Иезуиты включили в соглашение пункт, который предусматривал, что «в случае, впрочем крайне не-

¹ А. Б. Томас. История Латинской Америки. М., 1960, стр. 428.

правдоподобном, запрещения правительством Общества Иисуса, его члены могут быть высланы из страны или их деятельность прекращена только восемь месяцев спустя после запрещения Общества. В течение этого периода они будут пользоваться конституционными и правовыми гарантиями для того, чтобы подготовить свой отъезд из страны и ликвидировать свою собственность»¹.

Последующие события показали, что «случай», которого опасались иезуиты, не только оказался «правдоподобным», но и произошел быстрее, чем они могли предполагать.

Заключение конкордата с Ватиканом и возвращение иезуитов вызвали возмущение как в Эквадоре, так и в других странах Латинской Америки, где прогрессивное общественное мнение считало деятельность Гарсии Морено предательством не только национальных, но и общелатиноамериканских интересов. Особенно остро реагировала на действия Гарсии Морено Колумбия. Войска этой республики вторглись в Эквадор, с тем чтобы, как отмечалось в правительственном заявлении, освободить «братьев-демократов» Эквадора от «теократической тирании» Гарсии Морено. В 1864 г. Гарсия Морено закончил свой президентский срок и, оставив на своем месте преданную ему марионетку, уехал в Европу. Во время его отсутствия в стране вспыхнуло восстание. Преемник Гарсии Морено поспешил отменить конкордат и запретить иезуитский орден. Но с возвращением в Эквадор диктатора вернулись прежние порядки, вновь был восстановлен конкордат и разрешена деятельность Общества Иисуса.

Непримиримым врагом диктатора-фанатика был страстный патриот, талантливый публицист Хуан Монтальво, продолжавший просветительские традиции Эспехо. Его перо беспощадно разило диктатора: «Гарсия Морено разделил Эквадор на три равные части: одну часть он осудил на смерть, другую — на ссылку, третью — на рабство... Говорят, что Эквадор под господством Гарсии Морено достиг больших вы-

¹ J. L. Mecham. Church and State in Latin America. Chapel Hill, 1934, p. 182—183.

сот морального прогресса. Но без книг, без чтения кому доступны образование, цивилизация? Солдат командует гражданином, монах солдатом, палач монахом, тиран палачом, а дьявол тираном, и все это парит в атмосфере всеобщего разложения».

Гарсия Морено купался в крови своих врагов, он расстреливал их, подвергал порке, избивал палками, пытал, заточал в тюрьмы, ссылал.

В 1875 г. группа молодых патриотов убила тирана в его дворце.

Однако надежды передовых людей на то, что со смертью тирана положение в стране изменится, не оправдались. Власть перешла в руки реакционных генералов, за спиной которых стояли все те же церковники и помещики. Послушный им конгресс провозгласил Гарсию Морено «воскресителем родины и мучеником за католическую цивилизацию» и постановил воздвигнуть в его честь статую со следующей надписью: «Его превосходительству Гарсии Морено, самому великому сыну Эквадора, отдавшему свою жизнь за веру и родину».

В 1876 г. власть захватил генерал Вентимилья, отменивший конкордат. Церковники в ответ организовали повсюду беспорядки и мятежи. Давление церковников в конце концов заставило Вентимилью возобновить конкордат с Ватиканом. Духовенство снова вернуло себе утраченные было позиции.

Борьбу против правившей в Эквадоре военно-церковной клики возглавил патриот Элой Альфаро — один из участников движения против диктатора Гарсии Морено. После многих лет борьбы Элою Альфаро удалось объединить вокруг себя широкие народные массы и захватить в 1895 г. власть. Но церковники продолжали вести войну против Альфаро. Особенно неистовствовал епископ Гуаякиля немец Шумахер. Организованные им банды фанатиков сражались с оружием в руках против Элоя Альфаро. В одной прокламации, обращенной к своим последователям, Шумахер призывал: «Выбирайте между богом и сатаной, ибо нет другого выхода. Христианские воины! Кто из вас погибнет в борьбе с греховным радикализмом, тот завоюет себе славу мученика. Да победит господь адские силы! Об этом мы его молим во

имя отца, и сына, и святого духа!» Ему вторил архиепископ Кито, сравнивавший в одном из своих воззваний либерализм и радикализм с «беспутной вавилонской девкой» и призывавший всех верующих к борьбе с отлученным от церкви «безбожником» Элоем Альфаро.

Попытки церковников свергнуть Альфаро были, однако, безуспешными. Альфаро дважды избирался президентом (1896—1901 гг., 1906—1911 гг.).

В первый период своего правления Альфаро отменил конкордат, ввел гражданский брак, светскую систему образования. В 1906 г. церковь была отделена от государства, в 1908 г. национализирована и распродана с торгов церковная собственность. Церковники не могли простить Альфаро этих реформ. В стране постоянно вспыхивали мятежи, инспирированные священниками. По всей стране церковники кляли «еретика, нечестивца, индейца» Альфаро и призывали верующих расправиться с ним. В 1912 г. Альфаро и несколько его сторонников были убиты в Кито толпой уголовников, проституток и монахов под возгласы: «Да здравствует религия! Смерть нечестивцам!»

Хотя отделение церкви от государства сохранилось в Эквадоре и либеральная буржуазия продолжала удерживать власть в последующие годы, ее отношения с церковью принимали все более дружественный характер по мере роста в стране рабочего движения. После первой мировой войны церковь смогла благодаря этому вновь укрепить свои позиции. В 1930-е годы она контролировала в Эквадоре почти все среднее образование и располагала земельной собственностью, оценивавшейся в 20 миллионов долларов.

Главные усилия церкви, и в частности католических миссионеров, направлены по-прежнему на идейную обработку индейского населения страны с целью укрепления клерикального влияния в его среде. Однако современные индейцы, как и их предки, не понимают тонкостей католической религии. Они относятся к церковникам и религиозному культу с суеверным страхом, ибо многовековой опыт научил их, что неповиновение священнику, на стороне которого

сила и власть, принесет им лишь горести и страдания как в земной жизни, так и за гробом.

Католическая церковь в Эквадоре, земельная собственность которой была формально национализирована в начале этого столетия, вновь превратилась в крупнейшего латифундиста страны. Работающие на землях церковников крестьяне подвергаются той же эксплуатации, что и в поместьях светских латифундистов.

В городах церковники содержат торговые компании, участвуют в финансовых спекуляциях, занимаются ростовщичеством. В одном из отчетов эквадорского Национального планового совета говорится: «Обращает на себя внимание, что большое число ростовщиков состоит из мужчин и женщин, принадлежащих к монашеским орденам»¹.

Книга А. Гирскиса и Б. Яунишкиса «Я — миссионер» точно и ярко отображает деятельность католических миссионеров в Эквадоре. Индейцы хибаро, среди которых действуют миссионеры, населяют в основном южную часть Восточного района Эквадора, примыкающую к бассейну реки Амазонки. Хотя индейцев хибаро сравнительно немного — их насчитывается всего около 20 тысяч человек, — они составляют весьма стойкую и компактную этническую группу. Хибаро свободолюбивы и воинственны. И тем не менее миссионерам удалось в значительной степени подчинить их своему влиянию и использовать в качестве даровой рабочей силы. На деятельности описанных в повести салезианских миссий авторы сумели показать несостоятельность самой идеи миссионерского «просветительства» и порочность миссионерской практики. В книге разоблачается лицемерие и стяжательство отцов-миссионеров, их карьеризм и полное равнодушие к горестям и заботам своих «подопечных», вскрываются связи миссионерского руководства с самыми реакционными кругами эквадорского общества. Ценно то, что события, описанные в повести, описаны очевидцем. Ведь один из авторов книги, А. Гирскис, является прообразом героя повести — Альфаса Юкнуса, нашедшего в себе

¹ «Mañana», 31.8.1961, p. 26.

силы порвать с церковью и религией. Если не ошибаюсь, это первая в нашей атеистической литературе книга о миссионерской деятельности, написанная бывшим миссионером.

В последние 10—15 лет в эквадорской церкви, как, впрочем, и во всем так называемом католическом мире, наблюдаются новые явления и веяния. Вековая связь церковной иерархии с латифундистами, с реакцией в условиях быстро развивающегося революционного процесса в странах Латинской Америки вызывает все более резкие и решительные протесты со стороны верующих. В самих церковных кругах давно уже идет брожение, ширится недовольство, множатся выступления «мятежных» священников, высказывающихся в поддержку радикальных социальных преобразований, осуждающих империализм и тесно связанную с ним местную реакцию.

С конца 50-х годов и в Эквадоре все громче слышны голоса «мятежников» из числа служителей господ.

В 1970 г. учащиеся духовной семинарии в Кито объявили забастовку, требуя от церковной иерархии отказаться от характерной для нее реакционной ориентации. Семинаристы обнародовали листовку следующего содержания:

«Эквадорская церковь, служит ли она бедным?»

Нет, потому, что, признавая нищету бедных, берет с них плату за крещение, свадьбы и похороны.

Нет, потому, что католические училища и католический университет служат богатым...

Эквадорская церковь, бедна ли она?

Нет, потому, что почти все епископы и священники живут, пользуясь благами, к которым не имеет доступа подавляющее большинство эквадорцев.

Нет, потому, что церковь владеет крупными капиталистическими предприятиями стоимостью в миллионы сукре.

Нет, потому, что церковь владеет огромными поместьями, где наши братья-крестьяне подвергаются эксплуатации.

Почему протестуют семинаристы?

Потому, что они часть народа и не желают эксплуатировать своих собственных братьев.

Потому, что им хотят построить здание семинарии, стоящее миллионы сукре, в то время как есть люди, гибнущие от голода, безработные, живущие в нечеловеческих условиях.

Потому, что они не верят словам [церковной иерархии] и хотят жить согласно правилам евангелической бедности...»¹

Так как церковная иерархия отказалась выполнить требования семинаристов, большинство из них покинуло семинарию.

Чтобы приостановить процесс радикализации в рядах церкви, церковная иерархия была вынуждена высказаться за осуществление структурных преобразований и даже пообещала передать в распоряжение крестьян свои поместья.

Жизнь, однако, опередила реформистские потуги церковников. 15 февраля 1972 г. в Эквадоре пришло к власти военное правительство, возглавляемое генералом Гильермо Родригесом Лара. Новое правительство предприняло ряд мер в защиту суверенитета и экономической независимости страны. Было ограничено всевластие американской нефтяной компании «Тексако — Гальф», в руках которой находилась вся нефтедобывающая промышленность страны, созданы государственная нефтяная корпорация и компания по перевозке нефти.

9 октября 1974 г. был принят закон о проведении радикальной аграрной реформы, разрешена деятельность классовых рабочих организаций, в том числе Коммунистической партии Эквадора, боевого и надежного авангарда эквадорских трудящихся.

Старое, правда не без боя, уступает место новому и в Эквадоре — стране, о буйной природе и простых людях которой с такой теплотой рассказано в этой книге.

*И. Григулевич,
доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки РСФСР*

¹ «Mañana», 22.1.1970, p. 7.

В монастыре

На причале Гуаякиля

Весной 1932 г. из итальянского порта Генуя на корабле «Виргилиус» отправилась в плавание группа юношей. Судно миновало Балеарские острова и, пройдя через Гибралтарский пролив, вышло из Средиземного моря на бескрайние просторы Атлантического океана.

В пути молодые люди держались несколько обособленно. Никто не видел их ни в танцзале, ни в бильярдной. Редко появлялись они и на палубе, откуда остальные пассажиры подолгу смотрели на серебристые гребни волн или любовались резвящимися в водах океана в часы затишья дельфинами. Юноши были тихими и сосредоточенными. Большей частью они стояли на коленях в корабельной часовенке у алтаря святого Виргилия и горячо молились.

Внешне они ничем не отличались от остальных пассажиров. На них были темные костюмы и яркие галстуки. По утрам, выходя из кают на палубу, они приветствовали встречных на звучном итальянском языке. На вопросы отвечали на испанском или немецком. О себе и цели своего путешествия никогда не говорили. Было известно лишь, что они направляются в Эквадор.

Причину таинственного путешествия этих молодых людей из Италии в Эквадор следует искать в политических обстоятельствах того времени.

Долгое время Эквадор находился под властью испанских колонизаторов. После изгнания последних он вошел в состав Великой Колумбии, а в 1830 г.

На улицах столицы Эквадора Кито буквально на каждом шагу встречаются монахи и монахини. Они чувствуют себя здесь как дома...

стал самостоятельным государством. В стране началась борьба за власть между двумя партиями — консерваторов-клерикалов и либералов.

В 1860 г. власть в стране захватил Габриель Гарсия Морено, который 15 лет правил страной при помощи церковников, наделенных им неограниченными правами.

В 1876 г. либералы свергли власть клерикалов. Были отменены платежи в пользу «святого престола», составлявшие 10 % от государственных доходов, иезуиты изгнаны из государственных учреждений, их собственность секуляризирована.

Однако вскоре церковь снова захватила ключевые позиции в республике, хотя государственная власть оставалась в руках либералов. Конкордат с Ватиканом был возобновлен, но папа был серьезно обеспокоен пошатнувшимся положением клерикалов в стране. В Ватикане было решено усилить миссионерскую деятельность в Эквадоре с помощью новых мо-

нашеских орденов, которые не успели еще скомпрометировать себя ни в одной стране. Папа Лев XIII обратился с секретным посланием к таким орденам (в том числе и к салезианцам), в котором обязывал их занять пустующие монастыри иезуитов в Эквадоре, обосноваться там и развернуть свою деятельность. Беспокойство Ватикана было вполне обоснованным. Народ не хотел больше мириться со всевластием церкви.

В 1906 г., в период правления президента Элоя Альфаро, церковь в Эквадоре была отделена от государства. Либеральное правительство запретило въезд в страну католическим монахам. Тогда монахи стали проникать в Эквадор тайно, под видом, например, специалистов сельского хозяйства: агрономов, ветеринаров, садоводов, в которых республика очень нуждалась.

Набожные юноши с судна «Виргилиус» были именно такими «специалистами».

По узкому Панамскому каналу корабль вышел в Тихий океан и приближался к берегам Эквадора. Юные пассажиры заметно волновались. Ведь паспорта и дипломы были у них фальшивые. Закончили они не сельскохозяйственные училища, а духовные семинарии в монастырях салезианской конгрегации в Италии. Они отправились в Эквадор, чтобы выполнить чрезвычайную миссию по воле господней: защищать христиан от гонений и обратить в христианство населяющее джунгли индейское племя хибаро.

Наконец судно вошло в Гуаякильский залив. Всюду виднелись большие и маленькие острова. Между ними сновали каноэ с загнутыми носами и моторные лодки. Кое-где стояли торговые суда. За ними возвышались огромные порталы краны. Прошли добрые полдня, пока «Виргилиус» подошел к причалам Гуаякиля.

Когда корабль пришвартовался, молодые путешественники с небольшими саквояжами в руках вместе с другими пассажирами направились к пограничному контрольному пункту. Первым из них подал свои документы пограничникам испанец де ла Фуэнте, стройный, темноволосый, очень живой, смелый и решительный. Он был родом из Севильи, любил

путешествия и приключения и не боялся рискованных ситуаций. Вслед за ним подошел литовец Альфас Юкнюс, коренастый, светловолосый каунасец. В салезианский монастырь его привела не чрезмерная набожность, а страсть к путешествиям. За высказываемые им сомнения в истинности религиозных догм его не раз привлекали к ответу на закрытых заседаниях профессуры духовной семинарии, и оставлен он был в монастыре только благодаря своим незаурядным способностям. За Юкнюсом протянул свой паспорт пограничникам итальянец Джиованни Казираги. Он решил отправиться в Эквадор в надежде отыскать неизвестные индейские племена и научить индейцев не только любить господ, но и идти во имя его на жертвы, как сделал это он сам, покинув богатый дом своих родителей, неаполитанских фабрикантов. К контрольному пункту Джиованни Казираги подошел смело: господь с высот своих видит его благородные цели и не допустит до беды. Больше всех робел Пятрас Масколайтис. Он, как и Альфас Юкнюс, был родом из Литвы. Вырос в богомольной семье. Закончил Вильнюсскую прогимназию, и миссионеры-литовцы увезли его в Италию, в салезианский монастырь. Масколайтис был очень чувствительным и робким юношей. Доставая из кармана документы, он дрожал всем телом. Лицо его то краснело, то бледнело, а жилки на висках так напряглись, что, казалось, того и гляди лопнут.

Но проверка документов оказалась весьма поверхностной. Молодые миссионеры вздохнули с облегчением. А Масколайтис, заполучив обратно свой несколько помятый заграничный паспорт, чуть было не поклонился пограничнику. Все чувствовали себя счастливыми.

В порту монахов встретил представитель Гуаякильского монастыря салезианцев и отвел их в помещение, по-видимому специально предназначенное для прибывающих подобным образом. Он объяснил юношам, что в целях предосторожности им не следует сразу отправляться дальше. Чтобы скрасить их пребывание в этом помещении, он предложил молодым людям спелые бананы и душистые ананасы. Джио-

ванни Казираги во всеуслышание выразил свое удивление:

— Ведь из Италии мы уехали весной!

Три недели плыли они по океану, а казалось, будто прошло полгода. В Италии они оставили цветущие сады и буйные альпийские луга, а здесь — осень. Спелые плоды. Воздух душный, подернут дымкой, как перед сильной грозой. Уже наступил период дождей.

Дорога в бывшую обитель иезуитов

Под вечер в помещение вошел крупный мужчина с толстыми губами и черными, блестящими, словно антрацит, глазами. У порога он несколько раз поклонился, поздоровался по-испански и попросил юношей по одному направиться к грузовой автомашине «форд», стоящей за рынком.

Как выяснилось потом, это был местный фермер, который за солидное вознаграждение переправлял вновь прибывающих миссионеров в салезианский монастырь в Гуаякиле. Если полицейские или жандармы останавливали машину и интересовались документами пассажиров, фермер заверял их, что везет на свою асиенду специалистов сельского хозяйства.

Молодые люди поднялись со своих мест. Первым вышел Пятрас Масколайтис. Он всегда старался выглядеть самым исполнительным и старательным. Быстро, не оглядываясь по сторонам, направился он через рынок к машине. Зато Альфас Юкнjos и де ла Фуэнте буквально впились глазами в пеструю рыночную толпу. Прежде всего им бросились в глаза индейцы, одетые в пончо — большие пестрые четырехугольные накидки с прорезью для головы. Много было здесь метисов и мулатов с кожей цвета какао. Встречались и стройные, очень высокие негры. И почти каждый что-либо предлагал. Один — говорящих попугаев, другой — шкуру ягуара, третий — живых ужей, якобы способных защищать жилище от ядовитых насекомых, четвертый — крошечных пестрых птичек.

Было тут полным-полно и всякой снеди. Лежали горы початков кукурузы, стояли мешочки с рисом.

В больших корытах вяло разевали рты недавно выловленные рыбины. Рынок гудел разноязычной речью.

— Смотри, смотри, обезьянка! — толкнул Юкнюса в бок де ла Фуэнте.

Оба они уставились на зверька. Обезьянка перепрыгивала от одного продавца к другому, хватала из плетеных корзин бананы и, изящными движениями очистив их от кожуры, отправляла себе в рот. Увлечшись этим экзотическим зрелищем, молодые монахи не заметили, как отстали от своих товарищей. Схватившись, они поспешили вдогонку.

Не без труда разыскали юноши среди множества стоявших за рынком грузовых автомашин ту, которая была им нужна. Как только машина двинулась, взгляд их устремился вдоль захламленных улиц, которые извивались между голубыми бухтами или повторяли изгибы реки Дауле.

Из истории монахам было известно, что Гуаякиль основан в 1535 г. одним из офицеров армии Писсаро — Себастьяном де Беналькасаром. Он жестоко относился к индейцам, и те, будучи не в силах стерпеть издевательства и притеснения, втайне ополчились против завоевателей и внезапно напали на них. Там, где стоял город, остались лишь пепелища. Спустя некоторое время испанцы отстроили Гуаякиль, оборудовали причалы для кораблей. Однако у мореплавателей этот город еще многие годы именовался «пастью смерти», «кладбищем на Тихом океане»...

Машина катила по предместью Гуаякиля. Здесь жались друг к другу построенные на сваях лачуги из досок или картона с темными проемами вместо окон. На узеньких мостиках, соединяющих лачуги с берегом залива, сновали собаки и кошки, играли бледные, худые и грязные дети. То тут, то там можно было видеть женщин, которые несли гроздь бананов.

От болотистых заливов доносилась вонь гниющего ила. Монахи зажали пальцами носы. Кое-кто из них наверняка с опаской подумал о том, что здесь нетрудно подхватить какую-нибудь болезнь.

Вскоре «форд» выскочил на возвышенность. Окружающая картина резко изменилась: по обе стороны дороги стояли двух-, трех- и даже восьмиэтажные здания. В скверах покачивали своими широкополыми шляпами пальмы, будто зеленая стена тянулись манговые аллеи. Ярко цвели усыпанные острыми колючками кактусы, которые достигали здесь высоты человеческого роста. Сразу позабыв о недавней тревоге, молодые люди не отрывали глаз от нарядных, тонущих в зелени домов. Увидев на самой вершине возвышенности стену из красного кирпича, они поняли, что перед ними монастырь. Большие обитые жестью ворота со скрипом отворились. Машина въехала во двор. Навстречу вышел привратник в сутане.

— Мы давно ждем вас, дорогие братья,— поклонился он.— Милости просим, милости просим...

Все сошли, машина развернулась и уехала. Во дворе, между высокими кокосовыми пальмами, юноши увидели несколько многоэтажных зданий. Главный корпус был украшен выступающей полукругом колоннадой и барельефами, изображающими страсти господни. Напротив главного корпуса возвышался грандиозный собор в стиле Возрождения. Кругом не было ни души. Так выглядел бывший иезуитский, а ныне салезианский монастырь в Гуаякиле.

Ступая по мощенной камнем дорожке, прибывшие направились в отведенную им комнату.

По пути в Куэнку

В салезианском монастыре Гуаякиля прибывшие отдыхали несколько дней. Им показали школу, формально открытую для всего города, однако на деле доступную лишь для детей из зажиточных семей. В ней учились преимущественно дети буржуазии и таможенных чиновников. Из деловых соображений монастырю было выгодно поддерживать тесные связи именно с этими слоями общества. Естественно, что, боясь испортить свои отношения с монастырем, служащие пограничного надзора старались не заме-

чать прибывающих из Европы переодетых монахов и смотрели сквозь пальцы на переправлявшиеся через гуаякильский монастырь за границу фрукты, какао-бобы, шляпы-панамы, серебро и золото, которые поступали из миссий, разбросанных по всей стране. Разумеется, обо всем этом никто не говорил молодым монахам. Зато им подробно рассказывали о новых методах преподавания, применяемых в школе, о том, что учителя оказывают большую помощь отстающим детям и в форме игры обучают их английскому и немецкому языкам, что ученики этой школы поют в церковном хоре, а хорошие манеры им прививаются на торжественных вечерах, которые монастырь, не жалея денег на угощение, время от времени устраивает не только для детей, но и для их родителей.

Будущие миссионеры осмотрели часовню, приходскую церковь, но огромных складов, где хранились товары, приготовленные для вывоза за границу, им, конечно, никто показывать не стал.

В Гуаякильском монастыре молодые люди сменили свои штатские костюмы на сутаны, получили эквадорские паспорта и удостоверения слушателей духовной семинарии в Куэнке, словом, превратились в полноправных граждан Эквадора.

Наступил день отъезда в Куэнку. С Гуаякилем Куэнка связана узкоколейной железной дорогой. Поезд состоял лишь из нескольких вагонов. Да и пассажиров было немного. Молодые монахи, не отрываясь, смотрели в окна. Убогие предместья Гуаякиля вскоре сменились непривычным для глаз европейца пейзажем: бескрайние саванны, поросшие высокой травой, в которой паслись отары овец и ламы.

Дважды маленький, словно игрушечный, поезд пересек реку Чимбе. Она широко несла свои воды. Среди зелени деревьев виднелись построенные на сваях тростниковые домики — пристанища лесорубов и рыбаков. После того как железнодорожная линия в третий раз пересекла реку Чимбе, рельеф местности стал меняться. Чувствовалось приближение гор. Появились лиственные деревья. Поезд, передвигаясь со скоростью размеренно шагающего

человека, пыхтя, взбирался все выше, прокладывая себе извилистую дорогу между горами.

Сквозь ущелье монахи вдруг увидели горную вершину, ярко сверкающую на солнце. Они поняли, что проезжают мимо предгорий Анд.

Дальше поезд шел по горным ущельям, и дорога становилась все более извилистой. Кое-где он нырял в тоннели, кое-где громыхал по мостам над глубокими пропастями. Затем постепенно стал спускаться вниз. Оставив позади еще несколько тоннелей, он неожиданно вынырнул у самого берега широкой реки Сантьяго. По берегам ее стояло на сваях множество лачуг без окон. Поезд въезжал в центральную часть города. Нищие кварталы кончились. Мимо окон вагона проплывали высокие дома. Некоторые из них были построены из белого гранита. Их украшали круглые балконы. Здания утопали в садах. А вокруг возвышались Анды.

Непредвиденное заседание

Настоятель салезианского монастыря в Куэнке — отец Анхель, итальянец с решительным лицом и порывистыми движениями, некоторое время был миссионером в Индии, затем в Японии, а примерно четыре года назад был переведен в Эквадор. Здесь он работал в джунглях среди индейцев, а затем получил значительное повышение — ему было поручено возглавить в Куэнке не только монастырь и духовную семинарию, но и гимназию. Наряду с этим отец Анхель был одним из наиболее активных деятелей клерикальной партии Эквадора.

Настоятель приглашал к себе для беседы каждого, кто прибывал в монастырь, стараясь по разговору и поведению понять, кто он и каков.

Во время приема отец Анхель сидел за письменным столом с видом в высшей степени занятого человека. Когда молодые монахи постучали в дверь приемной, он разговаривал по телефону. Окончив разговор, он попросил их войти. Первым воспользовался приглашением настоятеля Пятрас Масколайтис и, как было принято в конгрегации салезианцев,

остановившись у порога, поклонился. За ним вошли и остальные. Отец Анхель встал, подошел к юношам и протянул руку Джиованни Казираги, как бы подчеркивая этим, что итальянцы ему наиболее близки. Здороваясь с настоятелем, все монахи целовали украшенный драгоценным камнем перстень на его указательном пальце.

Разместившись полукругом у стола, за которым сидел отец Анхель, монахи подняли наконец глаза. А отец Анхель давно уже внимательно всматривался в каждого, тщательно стараясь запомнить их лица.

— Надеюсь, вы чувствуете себя как дома,— произнес он.

— О... да, отец,— ответил Казираги за всех.

Настоятель рассказал вновь прибывшим о деятельности монастыря, подчеркнул, что салезианцы, являясь современными монахами, не сторонятся народа: и в приходской церкви, и в монастыре всегда полно прихожан. Салезианцы постоянно общаются с ними. Естественно, отец Анхель обошел молчанием то обстоятельство, что ни одного земельного участка, унаследованного от иезуитов, салезианцы не возвратили индейцам, хотя, прибыв сюда, обещали уменьшить принадлежащие монастырю латифундии. Они приобрели даже новые земли. А индейцы и ныне работают на монахов.

— Сначала вам следовало бы ознакомиться с нашим городом,— продолжал отец Анхель.— Город наш по величине третий в стране. В нем пятьдесят тысяч человек населения. Хороша наша Куэнка.

Настоятель монастыря любил подчеркивать перед вновь прибывшими, как хорошо он знает свой город, и всегда лично руководил экскурсией по городу. В первую очередь он показывал новичкам этнографический музей, затем — все церкви и монастыри. И в заключение знакомил с университетом, единственной в городе гимназией, которая существовала на средства городского самоуправления, и начальной школой.

Молодые монахи очень обрадовались такому предложению. Они уже поднимались со своих мест, когда раздался стук в дверь. Отец Анхель разрешил

войти, и на пороге появился пожилой человек. Кивнув головой, он произнес:

— Мне поручено поговорить с вами.

— О... де ла Мартини,— настоятель протянул ему руку.— И у меня есть, о чем поговорить с вами. Минуточку...

Сняв телефонную трубку, он позвонил духовному отцу Креспи и попросил его познакомить молодых монахов с городом.

Как только дверь за будущими миссионерами закрылась, де ла Мартини сказал:

— Делегация от партии консерваторов нашего города направляется в столицу посоветоваться с центром. Мы хотим, чтобы как можно больше наших людей прошло в муниципалитет. Вы пользуетесь большим влиянием среди прихожан. Надеюсь, вы нам поможете на выборах?

— Что ж, консерваторам давно пора завоевать пост президента,— усмехнулся отец Анхель.— Ведь они, если я не ошибаюсь, стремятся к этому уже более пятидесяти лет... Мы окажем вам поддержку, можете сообщить об этом центру.

Де ла Мартини с любезной улыбкой поднялся. Лицо отца Анхеля не выражало особого удовлетворения. Он не верил в успех клерикалов на выборах.

Веселье в монастыре

В воскресенье в полдень на богослужение стали собираться индейцы. Они шли босиком. Пончо, которые прикрывали их плечи, были в заплатках, а порой и в дырах. Войдя в церковь, они опускались на колени и целовали пол. А когда началась служба, бросились наземь ничком и в таком положении пребывали в течение всей мессы.

«Как набожны эти индейцы!» — с удивлением думал про себя Пятрас Масколайтис. На Юкнюса же картина обедни, по-видимому, произвела иное впечатление.

— Почему индейцы молятся, лежа ничком? — обратился он с вопросом к ризничему.— Неужто они благоговеют перед богом больше, чем монахи?

— Иезуиты согнули бедняг в бараний рог, и сейчас их никто не может от этого отучить,— усмехнулся ризничий.

А против большого алтаря на длинных скамьях, поставленных в ряды, сидели остальные прихожане — белые. Никому из них и в голову не приходило «пасть ниц перед лицом господа». Лишь изредка они лениво преклоняли колена и снова садились на свои места. Среди них было много пришедших на обедню по специальному приглашению настоятеля монастыря.

Когда первая часть богослужения была окончена, на амвон поднялся отец Анхель в праздничном белом одеянии, украшенном кружевами. Прочитав соответствующее место из евангелия, он начал проповедь. Пересыпая свою речь ссылками на евангелия, отец Анхель объяснял, что на небесах единая власть — господня. Эта же власть через церковь правит миром. Ей должна подчиниться Республика Эквадор. Воля господа проявит себя в день выборов.

— Дорогие братья во Христе,— обратился проповедник к верующим.— Ваша набожность беспредельна. Я вижу, что вы действительно горячо ждете всемогущества слова божьего на земле. Слово это расцветет как оливковое дерево, если все мы проявим единодушие во время голосования на выборах в муниципалитет нашего города. Выражая чаяния всех католиков, я, ваш духовный отец, прошу голосовать за кандидатов консервативной партии, которая оказывает поддержку нашей матери-церкви. А тот, кто будет голосовать за врагов церкви — либералов и социалистов,— возьмет на свою душу смертный грех! Аминь.

Богослужение окончилось. Индейцы вернулись в свои лачуги, а гости настоятеля, оживленно беседуя, стали собираться в трапезной. Там их приветливо встречали отец Анхель и отец Креспи.

Гости продолжали прибывать. Далеко не все из них присутствовали на богослужении. Большинство приехало лишь на ужин. Де ла Мартини и активисты консервативной партии чувствовали себя здесь как дома. Отвешивая низкие поклоны, вошел с же-

ной, тяжело дыша, толстый как бочка директор компании по производству панамских шляп, за ним — представители американской компании «Шелл» с супругами, служащие различных промышленных корпораций, с которыми монастырь поддерживал деловые связи. Гордо прошествовали несколько офицеров. Отец Анхель и де ла Мартини оказывали последним особое внимание.

Когда гости заняли свои места за столом, который буквально ломился от яств, отец Анхель, разлив по бокалам привезенное из Италии вино «Слезы Христовы», провозгласил тост за офицерство республики. Затем последовали тосты за церковное начальство в Ватикане, потом — за присутствующих представителей деловых кругов.

Когда лица у всех гостей покраснелись и залоснились от обильной еды и питья, на возвышение поднялся монастырский хор. Сначала прозвучали церковные песнопения, а затем хор стал исполнять итальянские и испанские народные песни. Хоровое пение сменилось сольным: выступали проживающие в Куэнке певцы-профессионалы, которые за солидное вознаграждение пели в церкви во время торжественных богослужений и были постоянными гостями монастыря.

Тосты следовали один за другим. Зал наполнялся клубами густого сигарного дыма. На лицах гостей появилось выражение усталости и скуки. И вдруг в соседнем помещении грянул джаз. Гости сразу оживились. Кавалеры с поклонами приглашали дам на танго.

Тем временем во дворе монастыря стояла мертвая тишина. Когда в монастырь съезжались высокие гости, ворота по приказу отца Анхеля закрывались и никто посторонний в монастырь не допускался. Монахам разрешалось собратся в какой-нибудь аудитории. Туда вкатывали бочонок вина, отец-эконом разливал его по стаканчикам, а миссионеры рассказывали разные истории из своей богатой приключениями жизни. После этого монахи отправлялись в часовню на вечернюю молитву.

В тот вечер, возвращаясь после молитвы и духовных упражнений в свои комнаты, вновь прибывшие

молодые монахи были очень удивлены, услышав доносившуюся откуда-то поблизости джазовую музыку.

Необычная миссия

Обосновавшись в монастыре, молодые монахи начали готовиться к работе в миссии. Они изучали верования индейцев хибаро, среди которых им предстояло действовать, их обычаи, язык. Ездили на монастырские плантации и учились там рыхлить землю длинными изогнутыми ножами — мачете, как это делают индейцы, рубить ими сахарный тростник, колоть кокосовые орехи и даже резать хлеб. Приучались стрелять из охотничьих ружей и ездить на мулах. Последнее давалось с большим трудом. Частенько случалось долгополым наездникам оказываться по прихоти строптивого животного на земле.

Однажды в полдень в разгар «полевой учебы» будущим миссионерам приказано было вернуться в монастырь. Не успели они туда приехать, как дежурный пригласил их в семинарию в аудиторию догматического богословия.

Когда молодые монахи разместились на продолговатых лавках из красного дерева, к кафедре подошел отец Креспи. Он принес с собой кипу каких-то листков и положил их на край кафедры. Юноши замерли. Де ла Фуэнте, очень не любивший писать, в ужасе шепнул Юкньюсу:

— Сочинение... О боже, отвори наказание!

— Не похоже. Листки слишком маленькие и на них уже что-то написано.

Духовный отец похвалил прибывших за успехи в учебе и стал разглагольствовать на тему об отношениях церкви и общества. Он доказывал, что церковь дает народу огромное духовное удовлетворение, что духовенство, как никто другой, заботится о духовных и материальных потребностях народа. Поэтому духовенству должны принадлежать и высокие государственные посты, как некогда они принадлежали иезуитам. Возможность этого существу-

ет, ведь настоятель монастыря отец Анхель выдвигнут кандидатом в члены муниципалитета.

— Перед нами стоит ответственнойшая задача — обеспечить как можно больше голосов за кандидатов клерикальной партии, — подчеркнул отец Креспи. — Вы пойдете к верующим нашего прихода и будете агитировать их за отца Анхеля и за других кандидатов консервативной партии. Вот вам агитационные листки. Вы должны раздать их избирателям.

— Совсем неплохо! — обрадовался Казираги.

Масколайтис же насупился. Он не любил общаться с людьми и сомневался в успехе возложенной на них миссии.

— А если люди не возьмут эти листки? Что тогда? — спросил он.

— Вам придется столкнуться с разными людьми, — пояснил отец Креспи. — Индейцы, если они не намерены голосовать, листов брать не будут. А негры и метисы — те возьмут как ни в чем не бывало, но, если вы их не сагитируете, отдадут свои голоса за тех, кто им покажется выгодней. Так же поступят и белые. Наша цель склонить всех верующих проголосовать за наших кандидатов. Да поможет вам бог!

Получив списки избирателей и соответствующее количество агитационных листов, монахи, немного взволнованные и смущенные таким заданием, разошлись. Одни из них направились в часовню помолиться, попросить благословения святого духа, другие — в сад, под тенистые платаны, поразмышлять о том, как лучше выполнить поручение монастырского начальства.

Вечером, сменив сутаны на штатские костюмы, молодые монахи пошли в город по адресам, указанным в списках избирателей. Казираги достались лавочники. Он без труда нашел с ними общий язык, обещав поспособствовать, чтобы их детей приняли в монастырскую школу.

Де ла Фуэнте тоже повезло. У него в списке оказались в основном его соотечественники — испанцы. Поговорив с ним о далекой родине, они заверили, что будут голосовать за отца Анхеля и других консерваторов.

На долю Юкнюса выпало агитировать в кварталах бедняков. Видимо, он пришел слишком рано. Большинство лачуг были пусты. В некоторых из них лежали больные. Женщины, правда, были дома, но ведь они не имели избирательных прав. С наступлением сумерек стали появляться мужчины. Но после тяжелого трудового дня или изнурительных поисков работы они были усталы, голодны и раздражительны и совсем не расположены к беседе с агитатором. Они даже не интересовались, за каких кандидатов он агитирует. А если кто вступал с ним в разговор, то перво-наперво спрашивал:

— А ваша партия переселит нас из этих вонючих болот?

— Работа будет?

— Зарплату нам повысят?

— Все эти проблемы будут решаться... в некоторых аспектах,— выкручивался Юкнюс.— Учение будет доступно всем. Бесплатное.

— Нам жить надо, а не учиться,— огрызались мужчины.— Либералы обещали переселить нас из болот, уменьшить плату за электричество, дать всем работу. За них и голосовать будем.

— Но вы же католики! Церковь позаботится о вашем благополучии. А страждущие обретут царство небесное. Кандидаты клерикалов назначены самим богом.

Юкнюс вспомнил, что отец Креспи учил их чаще ссылаться в беседе с избирателями на бога.

— Церковь мы посещаем. Вместе с индейцами на коленях молим всевышнего о милости. Но господь не любит нас. Разве это жизнь? Мучение, да и только.

Нищета и убожество жизни этих людей поразили Юкнюса. Он так и не решился предложить им агитационные листки. Молодой монах решил было поговорить обо всем этом с отцом Анхелем, но в таком случае он нарушил бы устав ордена, который требовал от рядовых членов беспрекословного выполнения обязанностей, а выяснять и решать вопросы положено только начальству. Поэтому Юкнюс вернул листки отцу Креспи, а за невыполнение задания на него было наложено недельное покаяние.

Не повезло с избирателями и Пятрасу Масколайтису. Ему достались индейские кварталы по реке Сантьяго. Вокруг хижин здесь шныряли обезьяны, а Масколайтис побаивался этих дерзких зверьков. Он буквально съежился, когда одна из обезьян, подбежав к нему, вытащила из его кармана агитационные листки и стала быстро их рвать.

Расстроенный этим происшествием, Масколайтис быстро вошел в ближайшую хижину и... очутился на женской половине. Вспомнив, что без разрешения главы семьи на женскую половину заходить не полагается, он обратился в бегство, оставив в удивлении женщин и детей. В другие хижины он входил уже лишь после того, как определял, где находится мужская половина.

Намереваясь войти в очередную хижину, Масколайтис столкнулся в дверях с хозяином. Растерявшись от неожиданности, он протянул индейцу руку, но тот своей ему не подал, а положил ее гостю на плечо. Окончательно смутившийся юноша лишь тогда вспомнил, что именно так здороваются индейцы.

— Можно войти? — спросил Масколайтис.

— Да, да, можно. Сын родился, сын. Прошу! — обрадовался индеец.

В помещении Масколайтис увидел облаченного в шкуру ягуара колдуна, которого пригласили для совершения ритуала, связанного с рождением ребенка. Он двигался по хижине, размахивая веником, что должно было означать изгнание злых духов. Затем взял на руки плачущего младенца и стал завертывать его в несколько звериных шкур, чтобы сила этих животных перешла к ребенку. Головку мальчика от лба до затылка он покрасил каким-то темно-фиолетовым настоем: индейцы верили, что от этого волосы у ребенка будут черными и густыми и дадут ему волю и силу. Погом шипом чионты, очень твердого дерева, проколол ребенку ушки и продел в них тоненькие бамбуковые палочки.

Масколайтис с удивлением наблюдал весь этот обряд. Он никак не мог понять, почему индеец, будучи христианином, пригласил в свой дом колдуна. «Может быть, мне, как представителю церкви, выг-

нать его? — размышлял монах. — Вряд ли от этого будет какой-нибудь прок, хозяин только рассердится и не станет голосовать за наших кандидатов. Да помилует бог этого невежду... А может, мне побыстрее уйти отсюда? Но ведь нас учили: если индеец приглашает тебя в хижину, ты обязан принять его приглашение, иначе оскорбишь хозяина... О боже! Час от часу не легче! Придется, кажется, отведать никаманчи¹. Неописуемая гадость! Провалиться бы сквозь землю!» Однако христианское смирение взяло верх над смятенными чувствами, и Масколайтис, стоя у стены, терпеливо ждал окончания «языческого» ритуала.

Когда колдун, закончив обряд, снял с себя шкуру ягуара, хозяин пригласил его, родственников и Масколайтиса к разостланному на полу тростниковому коврику. Каждому дал по куску жареного мяса и по вареной маниоке. Затем он разлил в чашки зловонную никаманчу и пригласил всех выпить и закусить.

— Белый господин, — сказал он, — дал мне работу. Я получил деньги. Я богат. У меня родился сын. Я приведу в дом вторую женщину. Хорошо заживу. Еще господин обещал построить мне фанерный дом.

— Но ведь вы христианин, — сказал Масколайтис. — Бог запрещает многоженство.

— А я и не женюсь, — хитро улыбнулся индеец. — Я так буду с ней жить...

Монах не решился продолжить беседу на эту тему. Он стал думать о том, как бы перевести разговор на приближающиеся выборы. Хозяин дома, как бы угадав его мысли, вдруг заявил:

— Я буду голосовать за либералов. Они дали мне работу.

Масколайтиса даже в жар бросило. Он понял, что этот избиратель выскальзывает из его рук, что надо за него как-то бороться. Но как?

¹ *Никаманча* — напиток, который индейцы готовят из маниоки: женщины разжевывают клубни и кашицу выплевывают в глиняные сосуды; после того как содержимое сосудов перебродит, его пьют как хмельное.

— Вы должны голосовать за отца Анхеля! Все католики отдадут за него свои голоса. Вот его кандидатский листок. Возьмите, пожалуйста.

— А отец Анхель даст мне работу? — индеец впился в агитатора карими глазами. — Даст? Тогда беру листок. Не даст — я за него голосовать не буду. Листок не возьму.

Масколайтис знал — обещать работу он не может: настоятель монастыря — не фабрикант. Может, припугнуть индейца адом? Но его жизнь и так мало чем отличается от ада. Скорее, пожалуй, соблазнится загробным блаженством, решил про себя монах.

— Голосуя за отца Анхеля, вы обретете царство небесное. Во веки веков не надо будет ни работать, ни заботиться о чем бы то ни было. В полном достатке жить там будете.

— А в Куэнке надо работать. Что буду делать без работы. Утоплюсь? А утопленников в царство небесное не берут. Жгут в аду.

И индеец закивал головой, что означало: «нет, нет, нет!»

В это время с улицы вбежала в дом стайка детишек, разукрашенных пестрыми перьями. Колдун вынул деревянную дудочку. Один из родственников хозяина взял два барабана. Зазвучала ритмичная музыка. Дети начали плясать первый танец младенчества — «Бум-ча».

Масколайтис понял, что разговор окончен. Он поблагодарил хозяина за гостеприимство и ушел. Удача не сопутствовала ему и в дальнейшем. Когда в последующие дни он появлялся в этих кварталах, многие индейцы, заведя его, запирались или уходили из дому. Помаявшись недели две и не добившись успеха, Масколайтис пришел к отцу Креспи и, упав на колени, сознался, что порученное ему дело выполнить он не смог. Просил наложить на него самое тяжелое взыскание, только не посылать больше к избирателям. Отец Креспи удовлетворил его просьбу: каждое утро в течение всей избирательной кампании он должен был, лежа крестом посреди церкви, замаливать грехи избирателей.

После выборов

Масколайтис истязал себя перед лицом господ, другие неудачники тоже усердно каялись: носили цепи на ногах, постились до изнеможения и молились, молились... Об их усердии священники рассказывали с амвона прихожанам. «Святые отцы» взяли дело агитации в свои руки: посещали прихожан на дому, подолгу беседовали с ними и кое-чего добились. Некоторые индейцы пообещали отдать голоса за клерикалов. Казалось, отец Анхель должен был пройти в муниципалитет. Однако на выборах клерикалы потерпели фиаско. Верх снова взяли либералы. Все постепенно утихло, успокоилось. Жизнь вошла в привычную колею. Юноши продолжали учебу, работали на монастырских плантациях.

Прошло полгода. Период дождей кончился. Стояла прекрасная солнечная погода. Близилось время экзаменов и принятия обета. Вдруг совершенно неожиданно настоятель монастыря приказал молодым людям быстро собираться в дорогу: завтра же они должны будут отправиться в джунгли на миссионерскую станцию. Зачем такая спешка — этого юношам никто объяснять не стал. Да они и не спрашивали. Им полагалось лишь выполнять приказание.

А случилось вот что.

Когда клерикалы-консерваторы потерпели поражение на выборах, церковь решила предпринять ряд мер с целью усилить свое влияние на массы. В столицу Эквадора — Кито, где находилась резиденция салезианского епископа, собрались на совет начальники миссий всех салезианских монастырей, в том числе и отец Анхель.

Во время совещания епископ с досадой отметил, что салезианцы повторяют ошибки иезуитов, осужденные еще в 1926 г. папой Пием XI в специальной энциклике «*Rerum ecclesiae*». Папа требовал, напомнил епископ «святые отцы», чтобы в миссионерских странах (как в Африке, так и в Америке) во главе приходов и монастырей стояли не европейцы, а аборигены. Кроме того, добавил епископ, салезианцы должны больше приобщаться к индейским обычаям и постараться ассимилировать язы-

Обряд конфирмации принесли с собой в Эквадор миссионеры. И теперь никого не удивляют эти индейские девочки, готовые к конфирмации перед католическим собором в Кито.

ческие обряды, слить их с христианским культом. Тогда индейцев легче будет склонить на свою сторону, а монастыри и миссии дадут больше прибыли конгрегации салезианцев.

Отец Анхель, обдумав упрёки епископа, решил, что необходимо немедленно пополнить состав семинаристов за счет индейцев. Заканчивающих же учебу европейцев придется срочно перевести в подведомственные монастырю миссии, чтобы они подготовили как можно больше индейцев хибаро для поступления в семинарию...

Дорога в джунгли

Вечером накануне отъезда отец-эконом выдал будущим миссионерам несколько мешков провизии, каждому по ружью, мачете и непромокаемому плащу.

На рассвете все уже были готовы отправиться в долгий путь. К каждому из путешественников подвели по два мула, один из которых был оседлан, а другой навьючен большими ящиками. В них под блякушками, предназначенными для индейцев, лежали охотничьи ружья, мешочки с дробью и брикеты пороха.

Монахи сели на мулов, навьюченных привязали за поводья к седлам и тронулись в путь.

Когда путешественники трусцой выехали за ворота монастыря, отец Анхель повел их по самым глухим закоулкам. Ему хотелось избежать встречи с полицейскими или жандармами: если бы представителям власти пришлось в голову проверить содержимое ящиков, было бы немало неприятностей по поводу оружия. А путешествовать по джунглям и тем более жить там без оружия — немыслимо. Оно давно уже было закуплено для миссионерской станции Макас, куда и направлялся караван. Под прикрытием густого утреннего тумана монахам удалось благополучно проехать через город.

Спустя несколько часов туман растаял, и ярко засветило солнце. Город остался далеко позади. Они ехали среди громадных бурых скал, между которыми росли разнообразнейших форм кактусы. Одни высокие, с несколькими толстыми ветвями, другие круглые, как арбузы, в красных и желтых цветах.

Солнце поднималось все выше. Подул горячий ветер. Всадники задыхались от зноя и дорожной пыли. Черные сутаны, поглощающие солнечные лучи, беспощадно жгли тела монахов. Но они двигались без остановки все дальше и дальше в горы.

В полдень отец Анхель разрешил наконец сделать привал. Соскочив с мулов, монахи развьючили их и дали животным поpastись. В то время как мулы неохотно щипали вялую, полуобгоревшую траву, путешественники разместились под громадными кактусами, хотя тень от них была ничтожной. Вдруг де ла Фуэнте закричал:

— Змея!

Из норы выползла пестрая кобра. Огляделась, раздвоенным языком лизнула воздух и, заметив

людей, угрожающе зашипела и поднялась на половину длины своего тела. Юноши в ужасе замерли. Но отец Анхель схватил мачете и одним взмахом отрубил змее голову. Огдых был испорчен. Хотя жара казалась невыносимой, монахи решили продолжать путь. Подкрепившись бутербродами и чаем из термосов, они оседлали мулов и двинулись дальше по горным хребтам.

Между камнями то тут, то там проскальзывали змеи. Через дорогу часто переползали тигровые ужи. Вспугнутые всадниками, серые ящерицы спешили скрыться между скалами. Такое огромное количество пресмыкающихся было очень неприятной неожиданностью для молодых монахов. Они вздыхали с облегчением лишь в низинах, у кустов, усыпанных красными нежными цветочками, вокруг которых летали большие, словно птицы, бабочки.

Ближе к вечеру юношей стало одолевать беспокойство: где ночевать? Вокруг ни дома, ни навеса, а солнце уже клонилось за горизонт.

Вдруг у громадной скалы они увидели длинное бамбуковое строение, крытое широкими банановыми листьями. У двери висела табличка с надписью, сделанной от руки: «Добрая надежда». Это был постоянный двор.

Как только караван остановился, из дома выбежала темнокожая полная женщина. Вьющиеся волосы собраны в пучок, в ушах — круглые серьги. Женщина сложила руки на животе и поклонилась отцу Анхелю.

— Каждый месяц, в полнолуние, жду вас, падресито¹. Что-то вы и охотиться перестали, и в джунгли не ходите.

— Дела, синьора, дела! Власть избирали... — ответил отец Анхель. — А где хозяин, что не торопится взять у нас мулов? Устали за день... Жара...

— Болен хозяин, падресито. Болен. Две недели как с постели не поднимается. Лихорадка трясет, а я помочь ничем не могу. Горошек, оставленный вами до ливней, кончился. Знахарь приходил, но

¹ Отец (исп.).

хозяин не пустил его в дом. Помогите, падресито! Отдам вам шкуру леопарда и анаконду добавлю. Сам хозяин у Сантьяго убил. Почти двенадцатиметровая. Сколько обуви будет. Помогите... Дайте тот зеленый волшебный горошек, которым лечится сам бог.

— Ладно, ладно, будет и горошек и другое лекарство. Будет. А теперь пустите нас в дом. Ночь надвигается.

Отец Анхель бросил поводья хозяйке и вошел в дом. Юноши же со своими мулами последовали за хозяйкой под навес. Развьючив и привязав животных, они тоже вошли в дом.

В помещении царил полумрак. У торцевой стены горел камин. Из подвешенного над огнем круглого котла исходил приятный запах кофе.

Посреди комнаты за столиками сидели мужчины в кожаных штанах. Они пили из глиняных кружек хмельное и о чем-то горячо спорили. Когда вошел отец Анхель, взоры всех обратились к нему. Один, видно, старший, улыбнулся и бросил:

— Пополнение духовных ферм сопровождаете, падресито?

— Интересно, зачем вы собрали парней, кабальеро? — парировал, не моргнув глазом, отец Анхель. — Уж не золотишко ли ищете? Смотрите, голов не потеряйте.

— Может, индейцев на нас натравите? — старший вскочил как ужаленный и схватился за пистолет. — У вас самих, видно, только золото на уме!

Отец Анхель правильно угадал намерение этих бродяг. Он знал, что охотники за золотом частенько забредают в долину реки Упаны, где обосновались миссионеры. Хуже всего то, что жаждущие богатства авантюристы прорываются и во владения миссий. Плюнув с досады (что выглядело совсем не монашески), отец Анхель быстро прошел в другую комнату. Вслед ему раздались угрожающие восклицания.

Ночью отец Анхель почти не спал, вслушиваясь в каждый шорох.

Через Анды

Рано утром отец Анхель и молодые монахи стали собираться в дорогу. Шкуры, полученные за лекарства и осмотр больного, настоятель упаковал в ящик и оставил у хозяйки постоянного двора до своего возвращения из джунглей.

Утро стояло прохладное, вчерашней жары будто и не было. От земли поднимался пар. Белесые облака плыли над скалами. Но жара пришла вновь, как только солнце поднялось над горами.

Горная тропа, по которой ехали монахи, повернула на север и начала спускаться вниз в широкую долину. Опять появились пресмыкающиеся, некоторых из них юные монахи видели впервые в жизни. В одном месте им попалась на дороге крупная, метровой длины, странная ящерица. Тело ее покрывали поперечные полосы, а вдоль спины, от головы до хвоста, шел резной гребень. Монахи не успели и взглянуть ее хорошенько, как раздался выстрел. Ящерица — это была игуана — подпрыгнула и растянулась в нескольких метрах от дороги. Стрелял отец Анхель. Так как близилось время обеда, он тут же разрубил ящерицу на куски, посыпал их красным перцем и поджарил. Стоя с поводьями в руках, монахи съели игуану, мясо которой было довольно вкусным и считалось здесь деликатесом.

Чем ниже спускались путешественники, тем кусты и деревья становились гуще. Монахи надеялись, что змей здесь будет меньше, но они встречались еще чаще. Змеи были всюду — в траве, на ветвях деревьев, прямо на дороге. Иногда они бросались на мулов и кусали их. Распухшие места укусов отец Анхель тут же смазывал каким-то лекарством. Монахи дрожали от страха и непрерывно крестились.

Где-то вблизи пыхтел паровоз, сигналили машины. Вскоре караван достиг шоссе, а затем и железной дороги. За переездом отец Анхель повернул на юг, чтобы объехать близлежащий город. Уже стемнело, когда путешественники подъехали к постоянному двору на берегу реки Сантьяго. Хозяин-европеец встретил отца Анхеля как старого знакомого. Здесь настоятель монастыря обменял часть пороха и дрови на

звериные шкуры и попросил хозяина сохранить их до своего возвращения обратно в Куэнку. Следующим утром караван двинулся вдоль Сантьяго. Путники еще не раз останавливались на отдых в постоянных дворах, и везде происходил подобный обмен.

В течение всего путешествия монахи видели возвышавшиеся где-то у горизонта Анды. И вдруг горы стали расти прямо на глазах. Все чаще дорогу пересекали мчащиеся среди камней быстрые реки и ручьи. Приходилось искать брод. Стало меньше зверей и птиц. Лишь змеи и ящерицы шныряли под ногами у мулов.

А тропа поднималась все выше и выше. Между лиственными деревьями стали все чаще попадаться хвойные, и вскоре лиственные исчезли совсем. Солнце жгло немилосердно. Лица у монахов покраснели и покрылись потом, по спинам тоже струился пот. Тропа становилась все круче и опасней. Иногда приходилось подниматься почти по отвесной стене. На таких подъемах монахи спешивались, развьючивали мулов и вели их за собой по узенькой, едва заметной тропинке. А уж ящики затаскивали потом с помощью веревок.

Выбившийся из сил Казираги, для которого дорога оказалась слишком трудной, простонал:

— Тяжело... не могу больше...

Отец Анхель только ухмыльнулся:

— Плохой из вас путешественник! Вы ведь рождены «для высоких целей». Не так ли? Так что жаловаться не следует.

Среди камней росли колючки, бодяга, можжевельник. Мулы скользили и спотыкались. Мелкие камешки катились у них из-под ног. Оставаться в седлах стало опасным. Монахи слезли с мулов и вели их за поводья. Они не успели засветло добраться до постоянного двора, пришлось ночевать в палатках, под вой ветра.

Какое-то время тропа шла вдоль Кордильер, по направлению к экватору, но вскоре опять повернула в горы. В один из вечеров со стороны далеких джунглей показалась черная туча. Красное солнце, коснувшись края тучи, рассыпалось на тысячи длинных лучей. Подул холодный ветер.

Отец Анхель, наблюдая за быстро приближающейся тучей, забеспокоился о ночлеге. Он долго выбирал место и наконец остановился между двумя скалами. Скалы загораживали от ветра. Правда, справа синели глыбы льда и нельзя было понять: движутся они или нет. Но лучшего места для привала подыскать не удалось, и отец Анхель приказал готовиться к ночлегу.

Ветер становился все резче и холодней. Словно белые мухи закружились в воздухе снежинки. Тут уж путешественники не на шутку перепугались. Мулов завели в укрытие и накрыли попонами. А сами быстро поставили палатки и залезли в них. Ветер все усиливался. Иногда он так завывал, что в палатках трудно было разговаривать. Темнело. В небе сверкала молния, раздавались оглушительные раскаты грома. Молодым монахам стало жутко, и они тихо молились за спасение своих душ.

Всю ночь гроза бушевала в Кордильерах. Порывистый ветер приподнимал края палаток и задувал в них снег. В палатках стало невыносимо холодно, и монахи, ежась, молились: «Боже, спаси нас!»

Под утро гроза стихла, и людям удалось немного поспать. А когда они вышли из палаток, то оказалось, что горы и их склоны покрыты толстым слоем снега. Дороги совершенно не было видно, а над головами грозно нависла глыба льда. В утреннем солнце она блестела, как хрусталь, а десятиметровые сосульки казались освещенными прожекторами сталактитами. Каждая минута промедления грозила смертельной опасностью. Отец Анхель тихим, но властным голосом приказал собираться в дорогу.

Палатки были быстро собраны, мулы навьючены. Караван медленно и осторожно двинулся вперед. Солнце уже начало припекать. Когда путешественники отделились от стоянки метров на двести, ледяная глыба обломилась и с оглушающим грохотом свалилась на то место, где был лагерь.

— Господи! — ахнули путешественники.

Вскоре они подошли к другому обвалу. Отец Анхель остановился: из-под обломков льда торчали

ноги мужчины в кожаных штанах. Поблизости бродила пара лошадей.

— Бог их наказал! — качая головой, сказал отец Анхель. — Поймайте лошадей.

«Чертов мост»

Снежный покров понемногу таял, и вода стекала меж скал быстрыми ручейками. Встречая на своем пути препятствия, они как бы останавливались, потом подпрыгивали вверх, превращаясь в фонтанчики. Гора, казалось, цвела водяными брызгами.

Оттаявшая тропа была скользкой. Мулы шли очень медленно. Монахи обратили внимание, что вдоль дороги стали попадаться небольшие холмики из камней с крестом наверху. Они сразу догадались, что это могилы путешественников, погибших на перевале.

В полдень караван повернул на восток, вдали показались зеленые заросли джунглей. Начался долгий и трудный спуск.

Горная дорога постепенно превратилась в лесную тропу. Чем дальше двигались по ней путники, тем лес становился выше. Появились пальмы, цекротей и другие тропические деревья. Все было переплетено лианами. Начались настоящие джунгли. Местами приходилось прокладывать себе дорогу с помощью мачете. Ко всем тяготам путешествия прибавилась еще одна: тучи мошек появлялись под вечер и буквально облепляли людей и животных.

По совету отца Анхеля юноши прикрыли лица сетками, на руки надели перчатки, а рукава и брючины перевязали лианами, чтобы насекомые не проникали под одежду.

Однажды дорога вывела путников к глубокому ущелью, на дне которого пенилась, шумела и рокотала извилистая река.

Некоторое время путешественники ехали по самому краю пропасти. Вскоре они увидели мост через ущелье. Он был сплетен из лиан и выглядел очень ненадежным. Наверное, не зря отец Анхель назвал его «чертовым мостом». Юноши даже представить

себе не могли, как можно пройти по нему с животными.

— Первым перейду я со своим мулом,— сказал отец Анхель. Вдруг поблизости над кустами он увидел дым.

— Масколайтис, посмотри, кто там. Не индейцы ли?

Масколайтис пошел в указанном направлении, пригибаясь и прячась за деревьями. Вскоре он вернулся.

— Нет, отец, не индейцы. Это золотоискатели.

— Вот как? — удивился и одновременно расстроился отец Анхель.— Лошадей придется вернуть. Эй вы, бродяги! Не ваших ли лошадей мы поймали. Эй, эй!

Из-за кустов вышел старший из золотоискателей. Он явно обрадовался, увидев лошадей.

— Они убежали тогда, в грозу. Нас постигло несчастье.

— Даже не похоронили своих друзей, нечестивцы! — упрекнул бродягу отец Анхель.— Хоть на обратном пути похороните, крест поставьте.

— Спасибо за лошадей,— сказал золотоискатель, как бы не расслышав последних слов отца Анхеля.— Только вот беда — не можем их перевести через этот мост.

— Это уже ваша забота,— махнул рукой отец Анхель.— Казираги, отвязжи моего второго мула.

Когда Казираги отвязал мула, навьюченного ящиками, отец Анхель взял под уздцы того, на котором ехал, подвел к мосту и отпустил. Но животное попятилось назад. Тогда монахи подтолкнули его. Мул с протяжным криком, упираясь, осторожно зашагал по бамбуковому настилу. Перейдя на другую сторону ущелья, он повернулся головой к монахам и остановился. После этого по мосту осторожно пошел отец Анхель. Скрипели натянувшиеся лианы, священник останавливался, затем шел дальше. Очутившись по ту сторону ущелья, он довольно весело крикнул:

— Видите, ничего страшного! Ну, теперь пускайте мулов!

Семеро животных благополучно перешли мост.

А вот восьмой на самой середине споткнулся и упал. Пытался встать, но ноша перетянула его на одну сторону и бедный мул упал в пропасть.

Монахов охватил ужас.

— Какое несчастье, — вздохнул Казираги.

Ни один из монахов не решался ступить на мост. А с другой стороны ущелья им нетерпеливо махал рукой отец Анхель.

— Что вы там торчите? Струсили? Такова божья воля. Поторопитесь! Смелей!

Наблюдавшие за переправой золотоискатели «подбадривали» юношей:

— Не унывайте! Попадете прямо в рай!

Первым к мосту подошел Юкнюс. Собрав всю свою волю и внимание, он ступил на мост и, стараясь не смотреть вниз, шаг за шагом стал продвигаться вперед. За ним пошли остальные. Только Масколайтис долго не решался на переправу. Как на зло, лишь только он сделал первый шаг, мост закачался. Потеряв равновесие, монах упал на колени. Ухватившись за края моста, весь в холодном поту, он на четвереньках переполз через «чертов мост».

Среди индейцев

Наконец прибыли

Сравнительно благополучно переправившись через ущелье, путники сделали короткий привал и двинулись дальше по лесной тропе. До миссии было уже недалеко. Дорогу к ней указывали зарубки на деревьях, сделанные салезианскими монахами.

К вечеру, поднявшись на скалу, путешественники увидели над лесной зеленью голубую колокольную с серебряным крестом. Рядом развевался яркий эквадорский флаг.

— Отец, не миссия ли это? — крикнул Казираги.

— Миссия, сын мой! Миссия! — ответил отец Анхель и подхлестнул прутиком своего мула.

Вскоре показалась довольно широкая и быстрая река Упана. По берегам ее росли большие деревья. Они образовывали зеленые ворота, через которые проносила свои воды река. От Упаны веяло освежающей, приятной прохладой, зовущей искупаться в прозрачной воде. Но монахов привлекала лишь одна цель — миссионерская станция — конец их пути.

Трусцой въехали путники в большой апельсиновый сад. Деревьев, усыпанных желтыми цветами, было так много, что они выглядели как дикорастущие в просеках джунглей кусты. Внимание Юкнюза привлекли разные овощи, посаженные между деревьями. Потом он заметил, что земля вокруг деревьев прополота и дорожки посыпаны желтым песком.

— Отец, неужели это сад? — спросил он.

— Здесь начинаются сады миссионерской станции,— пояснил отец Анхель.— Видите, какое богатство! Ежегодно миссии расширяют этот сад. И вырастет он в огромную латифундию! А раньше здесь были лишь дикие деревья.

Отец Анхель умолчал о том, что не только деревья росли раньше на этом месте. Между ними стояли гэи¹, в которых жили хозяева этой земли — индейцы хибаро. Когда сюда пришли испанцы, хибаро было несколько тысяч. Обнаружив здесь золото, испанские купцы построили прииск. Несколько позднее на берегу Упаны появились и миссионеры-иезуиты. Постепенно возник городок Лос Макабейос — Макас, и жители его стали называть себя макабейями. Большинство хибаро ушли в джунгли, а некоторые стали работать на промывке золота. Не выдерживая нечеловеческой эксплуатации, несколько раз они пытались восставать против иноземцев, но безуспешно. Миссионеры в Макас менялись, но положение индейцев от этого не улучшалось. После иезуитов сюда пришли францисканцы, их сменили салезианцы. Последние старались поддерживать мир между индейцами и властями, но при этом не забывали о своей выгоде. Когда индейцы в очередной раз сожгли прииск и золотоискатели перебрались в более спокойные места, монахи были только рады этому. Ведь не считая нескольких должностных лиц, салезианцы были здесь единственными европейцами и чувствовали себя поэтому полновластными хозяевами.

Миновав апельсиновый сад, путники свернули на дорожку, идущую через высокую кукурузу. Затем начались плантации сахарного тростника и деревьев какао. Наконец показались невысокие, построенные из бамбука дома. Вместо окон в их стенах были проделаны продолговатые отверстия. Перед домами стояли вкопанные в землю скамейки и глиняные печи. Вокруг, кудахча, разгуливали куры, грызлись лохматые собаки, прыгали маленькие обезьянки. В хлевах хрюкали свиньи.

¹ Гэя — высокая овальной формы хижина, построенная из бамбука и покрытая пальмовым листом.

Ближе к центру городка дома становились выше и просторнее, они были построены из тесаных бревен и досок. Над некоторыми крышами чернели круглые трубы. В самом центре городка, на холме, стояла высокая церковь с колокольной, огороженная деревянным забором. Только было монахи, повернувшись лицом к церкви, начали осенять себя крестным знамением и шептать слова благодарственной молитвы, как откуда-то с веселыми криками высыпали дети и побежали к отцу Анхелю:

— Падресито! Падресито!

Отец Анхель, довольный, поднял обе руки:

— Дети мои. Мои будущие миссионеры...

Из внутреннего кармана сутаны он вытащил горсть конфет и бросил их на дорогу. Мальчики и девочки, толкаясь, подбирали конфетки, ловко разворачивали и засовывали в рот.

В сопровождении ватаги ребят монахи направились к миссионерской станции.

Ворота станции отворились. Дежурный монах поклонился усталым путникам. Через двор то и дело быстро, как бы спеша куда-то, проходили монахи и монахини. Останавливаясь на секунду, они приветствовали вновь прибывших и шли дальше.

Группа под предводительством отца Анхеля направилась к внушительному двухэтажному зданию.

Видимо, узнав уже о прибытии пополнения, на встречу монахам вышел начальник миссионерской станции отец Анджело Виний. Это был мужчина среднего роста с густой бородой. Он руководил станцией уже несколько лет, и начальство его ценило: станция в срок поставляла в Куэнку фрукты высшего сорта, кукурузу, маниоку, кокосовые орехи. Анджело Виний умел принимать гостей.

— Кого я вижу! Кого я вижу, о господи! — певуче повторял он. — Сам падресито Анхель! Какая любовь к миссиям! Какая самоотверженность! Какая любовь к церкви!

Он подбежал к отцу Анхелю и помог ему слезть с мула. Последовал обмен горячими приветствиями. Молодые монахи терпеливо ждали своей очереди. Когда наконец отец Анджело переключил на них

Таким начинал свой путь миссионера на миссионерской станции Макас Альфас Юкньюс (первый слева).

свое внимание, юноши стали по одному подходить к нему и, низко кланяясь, целовали руку своему будущему начальнику.

Вечерний разговор

Пройдясь после вечерней молитвы по церковному двору, отец Анхель и отец Анджело пришли в гостиную. Усевшись за круглый столик красного дерева, они начали вспоминать о днях своей молодости, о прекрасной Италии. При этом отец Анджело не забывал наполнять хрустальные бокалы итальянским вином, ломая голову над вопросом, зачем пожаловал сюда отец Анхель. Ведь дорога сюда долгая и очень трудная, а отец Анхель — чрезвычайно занятой человек. Тратить время по пустякам он не станет. Значит, что-то серьезное. Грехов за собой отец Анджело не чувствовал. Неужели настоятель монастыря пожаловал по поводу того, что станция недослала в Куэнку какао-бобы? Маловероятно! На всякий случай он решил прощупать этот вариант и повернул разговор к поставкам какао:

— Мы собирались направить в монастырь целую тонну какао-бобов. Но случилось несчастье.

— Какое несчастье? — заинтересовался отец Анхель.

— Пропали пять лучших мулов.

— Звери растерзали?

— Нет, не звери. Видимо, их украли макобен. А на ламах ничего не переправишь. Главное, эти проклятые животные никак не хотят идти через мост. Упрутся — и ни с места. Хуже баранов.

— А за мост вашего эконома надо пожурить. Неужели нельзя сделать его пошире, протянуть перила? Этот мост и нам доставил неприятности: мул с грузом упал в пропасть... Жаль беднягу, — покачал головой отец Анхель.

— А какой был груз?

— Порох, дробь. За бананы, которые вы прислали в монастырь. Но не печалься. Пришлю еще. А сейчас оставлю мулов. Сочтемся.

— Видишь ли, мы задолжали индейцам. Если не расплатимся, работы от них не жди. Ведь они рабо-

тают исключительно за порох. Тем более, что дожди кончаются, начнется охота.

— Мы привезли стеклянные украшения, мачете, ящик ружей. Ну и строительный инструмент. Как-нибудь выкрутитесь. Встретили мы в джунглях золотоискателей. Как бы они не настроили индейцев или макабеев против миссий.

— Благодарю за предупреждение, — сказал отец Анджело. — Этих бродяг мы близко не подпустим. Несет сюда нечистая всяких паразитов! Может быть, станции подумать о восстановлении золотомойки? Мы с индейцами в ладах, и макабеям будет работа... Должна быть и прибыль. Миссии бы расширили...

— А как вы выполняете указания святого отца Пия XI? — неожиданно переменял тему отец Анхель. — Помните, на чем акцентировал внимание святой отец в своей энциклике?

— На необходимости привлечения местных к деятельности миссий? Да? А мы привлекаем. Четыре, а то и пять хибаро трудятся у нас в качестве катехетов¹. Всегда сопровождают нас в поездках по деревням. Без них мы бы и рабочих на стройку не нашли. Святой отец правильно предвидел...

— Разве пятерых катехетов достаточно? — снисходительно улыбнулся гость. — Сколько вы можете дать нам индейцев в монастырскую гимназию?

Отец Анджело молчал.

— А это нынче — главное, — подчеркнул настоятель монастыря. — Ты не был на последнем совещании у епископа. Понимаю, ливни мешали. А епископ нас сильно ругал. И поделом. В городские муниципалитеты почти никто из духовенства не прошел. Не прошел и я.

— Никого не могу направить ни в семинарию, ни в гимназию, — сокрушенно вздохнул отец Анджело. — Может, и моя вина...

— Большая вина. Большая.

— Будем реалистами, — разволновался хозяин. — Хибаро не способны к служению господу. Не вдох-

¹ *Катехет* — человек, обучающий основам вероучения по катехизису.

нешь в них святой дух. Мы стараемся, учим. Но хибаро не интересуются верой. Дети часто убегают из школы. И родители не торопятся их вернуть.

— Упорства не хватает, настойчивости, отец мой! За вас молятся верующие во всем мире, щедро жертвуют для миссий, а вы руками разводите. Позаботьтесь о том, чтобы до ливней подготовить не менее двадцати хибаро в первый класс монастырской гимназии.

— Но как это, столько... падресито...

— Выпьем за процветание миссий! — прекратил разговор на эту тему отец Анхель.

Секретная экспедиция

На другой день по приглашению брата-эконома к отцу Анджело пришли несколько индейцев хибаро. Были они широкоплечи, с мускулистыми руками, большими ногами, намного выше, чем индейцы, живущие в городах. Их длинные волосы были расчесаны на пробор и подвязаны у ушей. На них не было никакой одежды, кроме широких разноцветных поясов, зато украшений — хоть отбавляй. В ушах продеты тонкие бамбуковые палочки. К этим палочкам проволокой были прикреплены бронзовые жуки, а к их ножкам пристегнуты красивые цветы лотоса. Лица, руки и грудь разрисованы квадратиками и треугольниками. На шее — ожерелья из звериных зубов — символ стойкости и силы. Руки у кистей перехвачены полосками ягуаровой шкуры. В руках у хибаро были острые копья и луки.

— Дорогие прихожане, — обратился к ним отец Анджело, — у реки Упаны появились белые. Это плохие люди, они хотят напасть на ваши деревни. Надо прогнать их из нашей округи.

— Да! Да! — закачали головами индейцы.

Один из них спросил:

— Если погибнет белый, можно взять его голову? Мы бы отпраздновали победу. Все хибаро этого хотят. Все.

— Не раз вам говорил, — вздохнул отец Анджело, — не надо голов. Нельзя убивать, прогоните и

только. А потом вытащите из-под «чертова моста» затонувший ящик с порохом. Получите по мешочку пороха. Найти его вам помогут братья-миссионеры. Сделаете то, о чем прошу?

— Да! Да! — гортанными голосами отвечали индейцы.

— Отправиться надо завтра утром, еще до восхода солнца.

— Да! Да!

Когда индейцы ушли, отец Анджело пригласил к себе трех монахов и приказал им идти к «чертову мосту». Он посоветовал миссионерам на всякий случай прихватить с собой пистолеты, винтовки и немного патронов, — кто знает, как поведут себя золотоискатели. Но нужно стараться избежать столкновения. Цель братьев — найти ящик с порохом и дробью.

Рано утром к «чертову мосту» на пяти каноэплыли против течения воины хибаро. На дне лодок, прикрытые ветками, лежали копья и луки. Немного позднее на широких шлюпках отправились туда и братья-миссионеры. Отправились тайно, чтобы никто в городке об этом не знал.

В миссионерской школе

В сопровождении Карло Симонетти, исполняющего на станции обязанности инспектора, Пятрас Масколайтис и де ла Фуэнте вошли в пансионат. На бамбуковых кроватях, укрытые холстинами, спали мальчики. Инспектор разбудил их звонком, и дети проснулись, однако вставать не торопились. Увидев незнакомых монахов, они с удивлением уставились на них. Симонетти зазвонил еще раз, и мальчики вскочили с постелей, построились в шеренгу и зашагали к реке. Искупавшись, поплавав, они заняли свои места в столовой, куда в сопровождении монахинь пришли и девочки. Завтрак был скромным: полстакана сока кокосового ореха и початок жареной кукурузы на человека. Потом все отправились в школу.

Окон в классах не было. Вместо них в бамбуковых стенах были квадратные отверстия. Перед черными партами стояла черная доска, а над ней блестел латунный крест.

Постепенно школа стала наполняться и городскими ребятами. В большинстве это были метисы. Между собой дети говорили на очень скверном испанском языке.

Симонетти привел Масколайтиса в третий класс. Познакомил с ребятами. Масколайтис прежде всего поинтересовался, как ученики знают закон божий. Все знали молитвы, десять заповедей божьих, ответили на вопрос: что есть бог? Один мальчик по имени Педро (до крещения его звали Меткий Глаз) спросил:

— Отец, вы видели бога?

— Нет, сын мой,— ответил Масколайтис.— Бог высоко на небесах.

— А он действительно хороший? — продолжал расспрашивать Меткий Глаз.

— Необыкновенно хороший, милостивый, мой мальчик.

— Так зачем он гром с неба посылает?

Масколайтис не понял, чего от него хочет маленький индеец. Объяснили другие дети. Громом был убит отец мальчика.

Молодой монах растерялся. Его спас звонок. Оставив вопрос без ответа, он сказал:

— Бегите, ребята, во двор.

А на душе его заскребли кошки. Вопрос мальчика-хибаро напомнил ему о тех сомнениях в истинности религиозных догматов, которые возникали у него самого во время учебы в семинарии. Он тоже не получал ответов на терзавшие его вопросы. Духовный отец сказал лишь, что такие мысли посылает сатана. Возможно, и в этого маленького индейца вселился злой дух?

Не найдя другого выхода из создавшегося «щекотливого» положения, Масколайтис решил после звонка не возвращаться к закону божьему, а проверить, как дети умеют читать. Когда все уселись за парты, он сказал:

— А сейчас прошу достать книги.

Дети переглянулись, не понимая, чего от них хотят. Ведь книг у них не было. В классе они читали лишь то, что писал на доске учитель. Не зная об этом, Масколайтис еще раз потребовал вынуть книги. Класс загалдел. В это время вошел озабоченный де ла Фуэнте.

— Убежали мои ребята,— сказал он.— А чего твои галдят? Может, они знают, где сейчас мои шапоаи?

— У реки! — подняв руку, сказал Педро.

— Бесстыдники! Наверно, купаются.

— Не-ет, — протянул мальчишка.— Шляпы плетут.

Де ла Фуэнте направился было уже к двери, но Масколайтис остановил его.

— Вряд ли ты их найдешь. Вероятно, они в джунглях. Может быть, Педро тебя проводит? Один еще заблудишься.

— И мы пойдем! — загудел класс.

— Мы будем читать! — сказал Масколайтис.

— А у нас книг нет,— галдели ребята.— И мела нет тоже.

Только теперь Масколайтис понял, что дети совсем не готовы к уроку. Подумал и сказал:

— Будете хорошими?!

— Всегда, падресито, будем, всегда!

— Тогда пошли!

Ученики выбежали из школы. Они весело кричали, толкались и пускались вперегонки, каждый старался первым обнаружить беглецов. Учителя, подхватив сутаны, еле попевали за детьми.

Добежав до поляны, на которой росли невысокие ветвистые деревья с красными ягодами, дети стали шнырять между ними. Некоторые пытались сорвать ягоды, но Педро предупредил ребят:

— Не рвите. Еще падресито Анджело увидит. Посадит в карцер.

И дети не тронули, хотя глаз не могли оторвать от висящих как большой крыжовник ягод.

Посадки этих деревьев кончались у самой реки. Здесь росла густая трава, высокая, до пояса. Ребята побежали к реке, монахи— за ними. По дороге де ла Фуэнте срезал себе гибкий прут, намереваясь, ви-

димо, всю накопившуюся в сердце досаду выместить на спинах маленьких индейцев.

Деревья стали редеть, и де ла Фуэнте почувствовал под ногами воду. Река была рядом. Берега ее поросли высоким желтым тростником. В тростнике мелькали головы малышей. Де ла Фуэнте сразу признал в них своих учеников. Он подбежал к первому из них и хлестнул мальчика прутом по спине.

— Падресито! — крикнул тот, уронив тростник.

— Я проучу вас, будете знать, как убегать от меня! — кричал монах. — Вы будете слушаться каждого моего слова!..

— Фуэнте, это же дети, — пытался заступиться за ребят Масколайтис. — Поругайте их, и на первый раз хватит.

— Дети!.. Не обуздать их с первого дня — на голову сядут. Меня предупредил старый учитель. В джунглях побеждает сила...

И стегнул прутом еще нескольких мальчиков. Те не защищались, только корчились от боли и кричали: «Падресито, зачем бьешь меня! Падресито!»

В это же время из джунглей показался отец Анджело. Он был одет в кожаную охотничью куртку, сапоги и галифе. На плече его висела двустволка, а из ягдташа виднелись головы фазанов. Начальник миссионерской станции был весел и румян. Рядом с ним одетый тоже по-охотничьи шагал отец Анхель. В его сумке лежала шиншилла. Это — редкий, исчезающий зверек, охота на которого запрещена. Но кто в джунглях поймает браконьера? Отец Анхель очень гордился своим ценным трофеем.

Выходя из джунглей, священники увидели, как де ла Фуэнте хлестал маленького индейца. Отец Анхель спросил:

— Чем провинился мальчик?

— Убежал с урока, отец.

— Вчера им тоже досталось от брата-эконома, — сказал отец Анджело. — Они не выполнили норму по плетению шляп. Работали как не своими руками. А сегодня ишь как стараются. Боятся розог! Хватит, не бейте. Они свое получили.

— Да... — протянул отец Анхель. — И часто вы снимаете ребят с уроков?

— Без этого не обойтись. Иначе недопоставим шляп. Они у нас и фрукты снимают... Помогают ставить сети в реке...

— Да... — насупился гость. — Нехорошо. Учение у вас, выходит, на втором месте. Ошибка, ошибка. Срочно исправляйте ее. Я привез вам пополнение учителей. Отберите самых способных хибаро, не загружайте их работой, а учите, учите и присылайте к нам в Куэнку. Ряды миссионеров должны пополняться индейцами.

— Все сделаем, — озабоченно ответил отец Анджело. — А шляпы будут плести девочки.

Хибаро протестуют

Отец Анджело встал с постели, накинул халат и, вынув из ящика зеркало, долго разглядывал свое лицо. Ножницами он подровнял бородку, пригладил пальцами брови, бриллиантином смазал волосы. Совершая утренний туалет, начальник миссионерской станции обдумывал план текущего дня. После обеда вместе с отцом Анхелем они пойдут в корпус сестер-миссионерок. Гость хочет посмотреть, чему учат девочек в приюте. Наверное, придется сократить учебную программу для девочек и переложить на них ту работу, которую выполняли мальчики. До сих пор кроме чтения и письма девочек обучали домоводству и уходу за больными (после окончания школы им предстояло работать в миссиях санитарками, прачками, кухарками). А теперь их нужно еще научить плести шляпы... После посещения приюта надо будет проверить, как упаковываются фрукты для отправки в Куэнку. После обеда — опять на охоту. Отец Анхель хотел бы подстрелить еще одну шиншиллу... Если охота будет удачной, настроение его улучшится и гость не будет слишком требователен к начальнику станции...

Однако этот план был нарушен с самого утра. В дверь постучался брат-эконом. Поклонился и, поцеловав отца Анджело руку, сказал:

— Мне нужна ваша помощь, отец!

— Сколько раз тебе говорил: утро — время молитвы. *Silentium*¹, — и отец Анджело преклонил колени перед распятием.

— Но, отец, — озабоченно настаивал эконо́м. — Без вашей помощи сегодня мне не обойтись.

— Ну что у тебя не ладится с самого утра?

— Всю неделю не ладится. Пока все братья-миссионеры были в моем ведении, я еще выкручивался. Теперь же часть из них отправилась к «чертову мосту», другие упаковывают фрукты. А хибаро уже неделю глаз не показывают. Вчера пошел в одну деревушку, а они от меня попрятались. Только подумайте — католики, крещенные, а не слушаются.

— Они, наверное, пороха требуют?

— Да!

— Отдай из запасов.

— Кончились запасы. Только для вас немного осталось.

— Вот как? Что же придумать?

— А ведь раньше они работали только за безделушки. Работали и не роптали... Без всякого пороха... Да! Я слышал, что хибаро подстрекает Юмис.

— Этот проклятый церковью Юмис? — как ужаленный подскочил отец Анджело. — Я хотел было пойти ему навстречу и принять его ребятишек в школу. Теперь не дождется! А индейцев я заставляю работать. Поставим братьев с винтовками их сторожить, чтобы не разбежались...

Ричард Юмис несколько лет назад был прислан вместе с другими миссионерами учить хибаро закону божьему. Работал он на миссионерской станции и вдруг влюбился в очень красивую девушку-хибаро. Любовные связи с индианками имели многие монахи. Но Юмиса тайная любовь не удовлетворяла. Он попросил у отца Анджело рекомендацию, намереваясь обратиться к папе с просьбой об освобождении от обета. Отец Анджело рекомендацию не дал. Тогда Ричард Юмис ушел из миссии. Руководство ордена отлучило его от церкви и надеялось, что Юмис со своей возлюбленной скроется с глаз долой. Но тот и не думал этого делать. Обосновался в городишке, по-

¹ Тишина (лат.).

строил дом, завел ферму лам и еще подстрекал хибаро не работать на миссию бесплатно. Зато когда подросли дети Юмиса, отец Анджело не принял их в школу, ссылаясь на то, что они не крещенные.

— Я сам пойду к хибаро. А детей этого сукиного сына не приму в школу никогда. Посмотрим, чья возьмет.

В индейской деревне

На земле, принадлежавшей миссиям, работало несколько десятков индейцев. Они трудились на плантациях маниоки. Но у миссий была не только маниока. Огромные площади были засажены бананами. Рабочих рук постоянно не хватало. А ведь надо было не только прокормить около полусотни «братьев» и «сестер», сто учеников миссионерской школы и индейцев, обслуживающих станцию, но и отослать часть урожая в Куэнку, и оставить кое-что про запас. Вот почему отец Анджело был так обеспокоен отказом хибаро выйти на работу.

Пойти в деревню один он побоялся. Взял с собой катехета-индейца Юлиана и недавно прибывшего миссионера Юкнюса. Пусть молодой монах познакомится поближе с краснокожими, сеет среди них слово божье.

Утопая в густом тумане, будто в теплом молоке, все трое шагали по тропинкам джунглей. Юкнюсу они казались страшно запутанными, и он обрадовался, когда среди огромных деревьев увидел банановую рощу и понял, что они дошли до индейской деревушки. Высоко задрав голову, он оглядывался, стараясь обнаружить на каком-нибудь из деревьев сторожевой пост индейцев. Но так ничего и не увидел, пока Юлиан ему не показал: в большом дупле дерева стоял вооруженный индеец. Когда миссионеры прошли банановую рощу, индеец закричал на языке хибаро: «Нельзя гостям! Нельзя!»

Недалеко между ветвистыми деревьями стояла круглая, построенная из бамбука гая. Юлиан указал рукой на гая.

— Мы ищем хозяина.

— Нельзя! Хозяина нет! Не ходите! — кричал сторож, направляя в сторону гостей натянутый лук. — Назад!

Миссионеры пошли дальше в поисках следующей гэи. Вскоре их задержал другой сторож. Тот пояснил, что хозяина нет дома, а женщины в огороде за гэей. Он может позвать старшую, то есть первую жену отца.

Отец Анджело рассердился: почему у хозяина этой гэи Быстроногого Окапи две жены? Ведь он сам окрестил его и женил, и тот дал обещание больше жен в дом не приводить. А теперь... Чего доброго у него уже и третья жена? И конечно же на работы не ходит!

— Позови старшую, — сказал он индейцу.

Тот выскочил из-за дерева, как куница, и, пригибаясь, убежал за хижину. Вскоре на дорожке появилась полуголая индианка с растрепанными волосами. Не доходя несколько шагов до гостей, она остановилась, наклонив голову. Женщине не полагалось заговаривать первой, поэтому она ждала, пока ее спросят.

— Сколько у твоего хозяина жен? — прищурившись, спросил отец Анджело.

Женщина испуганно оглянулась и ничего не ответила. Тогда отец Анджело протянул ей стеклянную серьгу.

— Бери. Нравится? Чего боишься? Я ведь отец твой, миссионер. Так сколько жен у хозяина? Три?

Индианка качнула головой — это означало «да».

— Вот обманщик! — сказал отец Анджело Юкнюсу по-итальянски и снова обратился к женщине: — А где он? Ушел с белым, который побрил бороду? С бывшим миссионером?

— Я не знаю. Хищный Орел знает. Я не знаю.

— А где Хищный Орел? Позови.

— Хищный Орел дома. Сын отведет вас.

И женщина убежала по дорожке. Молодой индеец, охранявший хижину, повел миссионеров в мужскую половину. В помещении на сплетенной из лиан высокой скамейке (самой высокой из всех, что стояли на мужской половине) сидел сгорбившийся старец с длинной трубкой в зубах. Это и был Хищный Орел.

Отец Анджело спросил его:

— А где Быстроногий Окапи?

— Ушел на охоту. С ним ушли все мужчины деревни. Я сказал все!

Хищный Орел глубоко затаился, закашлялся и опустил глаза. Отец Анджело вздохнул и махнул рукой, зная по опыту, что больше ничего у индейца не вытянет. Ведь тот «все сказал».

Миссионеры обошли все гэи, но мужчин нигде не нашли. Отец Анджело хотел было повернуть в другую деревню, но в одной просеке среди кустарника заметил выющийся дымок, и все трое направились к нему. Вскоре монахи увидели горящий костер, вокруг которого сидели мужчины-хибаро. Сидели они молча, понурые, чем-то озабоченные. Некоторые из них жарили на металлических шомполах огромных лягушек. Заметив приближающегося отца Анджело, они опустили головы.

Миссионеры поздоровались, но индейцы даже не взглянули на них. Тогда отец Анджело стал строго отчитывать их за то, что они не вышли на работу. Мужчины молчали. Миссионеры поняли: хибаро протестуют, и протестуют потому, что миссия нарушила договоренность и не платит им порохом за труд на плантациях. Едят лягушек, а на работу не идут, от сытного куса отказываются. Не идут, хоть ты их убей на месте.

Разъяренный отец Анджело возвращался на станцию. Когда они отошли довольно далеко от костра, Юлиан шепнул ему на ухо: «Хибаро ждут Юмиса из Куэнки с порохом. Быстроногий Окапи мне сказал». Отец Анджело не выдержал и потряс в воздухе кулаком:

— Ну, я ему покажу!

Отец Анхель возвращается в Куэнку

Весь день отец Анхель осматривал женскую миссию. В сопровождении монахини Хозефины он посетил пансионат для девочек, их школу, класс домоводства, медицинский пункт, аптеку. Потом собрал сестер-миссионерок и сказал им, что с этих пор придется

больше внимания уделять трудовому воспитанию девочек. Наверное, они должны будут научиться плести шляпы, потому что мальчиков нужно готовить к миссионерской деятельности. В Куэнкском монастыре очень мало семинаристов-индейцев. Это значит, что миссионерские станции не выполняют указаний самого папы. «Только подумайте,— возмущался отец Анхель,— в течение двух лет ни один хибаро не поступил в духовную семинарию!»

На другой день в сопровождении братьев-миссионеров отец Анхель отправился обратно в Куэнку. За ним шел караван мулов, навьюченных тюками с корицей, маниоккой, фруктами.

Столкновение с вождем хибаро

Пятрас Масколайтис нервничал: у учеников нет учебников, ручек и карандашей тоже далеко не достаточно. Правда, тетради благотворительные организации присылали из Европы, но их хватало ненадолго. Учителя вынуждены были писать на доске слова и предложения, а учащиеся хором их повторять и заучивать наизусть. Этот метод Масколайтису казался таким примитивным, что он решил написать об этом епископу и с первым караваном отослать письмо. А пока придется довольствоваться классной доской.

Не успел он как следует разобраться, что и как знают ученики, как однажды утром в пансионат вошел отец Анджело. Визит начальника несколько удивил и встревожил учителя. Шляп мальчики больше не плетут, работа учителей контролируется инспектором, так что же нужно отцу Анджело?

А начальник извинился за вторжение и сказал:

— Придется занятия прервать!

Масколайтис опешил.

— Почему, отец?

— Попали мы в такую беду, что и не расскажешь. Без помощи учеников не обойдемся. Учеба, конечно, важная вещь. Но если вся станция останется без хлеба и маниоки, учение не поможет. Пойдете рыхлить почву. Когда придут рабочие, вернетесь в класс.

— Го! Го! Го! — загалдели ребята, и Масколайтис не понял, обрадовались они или огорчились.

— А когда же они будут учиться? — спросил он. — Дети еще читать и писать толком не умеют, а скоро экзамены...

— Учиться можно и после обеда, вместо дневного сна.

Масколайтис хотел сказать, что невозможно заниматься в самую жару, но вовремя вспомнил об обете послушания и промолчал. Он поклонился отцу Анджело, а детям велел быстрее одеться, поесть и у брата-кладовщика получить по мачете.

Уговаривать мальчиков долго не пришлось. Через полчаса они собрались и с мачете в руках двинулись в сторону огородов. Проходя мимо кокосовых пальм, мальчики, запрокинув головы, смотрели вверх, где красовались большие сочные орехи. Масколайтис понял, что их привлекали орехи, и весело сказал:

— Ну, кто быстрее залезет на пальму?

Мальчики удивленно взглянули на учителя, не зная, всерьез он говорит или шутит. Один из них, Педро, недоверчиво спросил:

— А орехи можно будет сорвать?

— Конечно! — ответил Масколайтис.

— А сколько? Один?

— Первому — три, второму — два, третьему — один, а остальным — ни одного. Хорошо?

— У-гуг-уу... Хорошо! — кричали ребята.

— Выберите по пальме. Командую: раз!

Мальчики побежали.

— Э-э... Так не пойдет. Ждите, когда я досчитаю до трех. По местам! Мачете оставьте, а то еще поранитесь. Считаю: раз, два, три!

Все пулей понеслись к пальмам и быстро стали взбираться вверх по шершавым стволам. Вот один из мальчиков уже достиг кроны. Кто это? А! Антонио! Широкоплечий, мускулистый. Он лазает по деревьям как обезьяна. Моментально сорвал три ореха и бросил на землю. Стоящие внизу подобрали их и сложили в кучку.

Вскоре сбросили свои орехи второй и третий «призеры», отставшие застыли недалеко от вершины. Они печально глядели на учителя, ожидая, что тот ска-

жет. Может быть, все-таки разрешит сорвать по ореху? Масколайтис улыбнулся.

— Сорвите и вы по одному!

Мальчики, обрадовавшись, полезли дальше. А Антонио, ловко спустившись с пальмы, разрубил мачете один орех и половину отдал учителю.

— Пожалуйста, падресито!

— Спасибо,— поблагодарил тот. Взял у мальчика орех и, опрокинув над ртом, почувствовал, как прохладная жидкость коснулась нёба.

Вдруг будто из-под земли перед учителем вырос брат-миссионер с двустволкой через плечо и мачете у пояса. Он закричал мальчикам, взобравшимся на пальмы:

— Слезайте с деревьев! — И поднял ружье.

Те мигом сползли вниз.

— Брат мой, зачем пугать детей? — обратился Масколайтис к монаху.— Я разрешил им полакомиться божьим даром.

— А отца Анджело спросил? Нет? Эти пальмы принадлежат миссиям. И все деревья вокруг города тоже. Поэтому ничего срывать нельзя. Отнесите орехи на склад.

Масколайтису ничего не оставалось, как собрать орехи, отнести на склад и объяснить там, где он их взял.

Вернувшись к ребятам, Масколайтис от стыда не мог глаза на них поднять. Впредь он решил быть осторожней.

Расстроенные ребята медленно шли к огороду, расположенному в ложбине между апельсиновыми садами. Зреющие крупные плоды так и манили глаз, но Масколайтису даже глядеть на них не хотелось.

В огороде он выстроил мальчишек и велел им рыхлить землю.

Земля была твердой, пересохшей, местами даже потрескавшейся. Кое-где торчали корни деревьев, вылезали острые стебли кустарника. Трудно было рыхлить такую землю мачете, и работа шла очень медленно. Широкий клинок мачете подворачивался то в одну, то в другую сторону, а рубить землю нужно прямо между ног. Масколайтис очень боялся, как бы дети не поранились. Ведь они были босые: обувь

выдавалась ученикам только по воскресеньям, когда они посещали церковь. И вдруг раздался истошный крик: самый маленький из мальчиков — Виргилий попал себе мачете по ноге. Кровь струей лилась из раны. Масколайтис подбежал к нему, подумав сначала, что его укусила змея. Увидел мачете в крови и понял, что случилось. Он быстро обтер кровоточащую рану листьями, перевязал ее носовым платком и, взяв малыша на руки, побежал с ним к станции.

Масколайтис внес мальчика в детский изолятор. Прибежавшие монахини перевязали раненую ногу, сделали укол и уложили малыша в постель.

В полдень, когда ребята, вернувшись с огорода, занимались зубрежкой катехизиса, на миссионерскую станцию прибежал отец Виргилия. В руке он держал дубинку с шипами на конце. Вместе с ним прибежал и вождь здешних хибаро Соколиный Глаз. На плече у него было ружье, а в руке — длинное, окованное железом копье.

Они ворвались в комнату отца Анджело, где тот в это время отдыхал, и закричали:

— Где Виргилий? Отдайте его!

Ничего не зная о случившемся, отец Анджело удивленно сказал:

— Что ты, сосед! Твой сын в школе, учится и молится богу.

— Врешь, падресито! Его убили. Все племя видело, как его несли на станцию мертвым.

— Не говори глупостей, — рассердился отец Анджело, но вдруг вспомнил, что утром он отправил класс Масколайтиса на огороды рыхлить землю. — Может быть, несчастье какое случилось? Подождите здесь, я посмотрю, — сказал он индейцам и, обеспокоенный, пошел к двери. Но в это время к начальнику постучали мать Хозефина и Масколайтис, которые пришли, чтобы известить его о ранении Виргилия. Увидев Масколайтиса, вождь племени бросился к нему.

— Это он умертвил Виргилия. Он! — и, сняв с плеча ружье, взвел курок. — Ты убил или Иванчи¹?

¹ Злой дух.

— Ни я, ни Иванчи! — сказал перепуганный Масколайтис. — Он поранил себе ногу, и я принес его в миссию.

— Неправда! — закричал отец мальчика. — Ты нес его вниз головой. Это видел колдун Бисхай. А он все знает.

— Говори! — Соколиный Глаз направил ружье на отца Анджело. — Кто убил, миссионер или Иванчи?

— Никто его не убивал, — старался успокоить индейцев отец Анджело. — Пойдемте в изолятор. Своими глазами увидите!

— Идемте, идемте, — торопила и мать Хозефина. — Чего зря ругаться?

Вся группа направилась в изолятор.

Виргилий лежал в кроватке. Оба индейца подскочили к нему. Щупали, расспрашивали, велели встать и пройти по комнате. Когда наконец они убедились, что мальчик лишь слегка ранен, то с удивлением пожали плечами.

— Живой! В самом деле живой! Видно, колдуна глаза обманули.

— Бог его спас, — извиняющимся тоном сказал отец Виргилия. — Теперь я верю в бога. Верю!

— Но если хоть один хибаро умрет... — Соколиный Глаз погрозил монахам кулаком. — Отомстим. Всем миссионерам отомстим!

И индейцы ушли.

Отец Анджело строго взглянул на Масколайтиса.

— Зачем нес раненого ребенка, если он мог идти сам? Хибаро несут на плече только убитых! Видишь, не досмотрел за мальчишками и все племя всполошил. Понимаешь, какое несчастье могло случиться? Не дай бог! Прежде всего убили бы тебя. Это закон джунглей — голова за голову. А потом колдун всех хибаро-католиков на свою сторону перетянул бы. И он, и вождь ненавидят нас. Надо, сын мой, быть очень и очень осторожным!

Масколайтис поблагодарил отца Анджело за наставления. Поклонился и вышел из изолятора вспотевший от волнения и усталый. Жаловаться епископу на беспорядки в миссионерской школе ему уже расхотелось. Все его мысли вертелись вокруг ребят.

Как сохранить их целыми и невредимыми? Недавно он читал в миссионерском журнале, что на соседней станции свирепствует грипп. Что будет, если умрет от болезни один из воспитанников пансионата? Хибаро нападут на учителя?

Сердце молодого монаха сжалось от страха.

Приближаясь к спальням, он услышал, как в одной из комнат кто-то вскрикнул. Масколайтис вздрогнул и побежал посмотреть, не случилось ли что опять.

«Государственная школа не нужна»

Старшие школьники под руководством Масколайтиса продолжали работать в огороде. Но их было слишком мало. На помощь прислали класс де ла Фуэнте. А за плетение шляп взялись девочки. Однако дело у них не ладилось. Они не умели подобрать солому, да и плели плохо. Шляпы у них выходили кривобокими, мятыми. Монахини нервничали, сердились, ругали девочек, а их самих ругал отец Анджело.

Люди, посланные за затонувшим порохом, все еще не вернулись... А тут новость: отца Анджело вдруг вызвало к себе должностное лицо, заменявшее в городке и судью, и полицейского, и самоуправление. Вызов этот очень удивил начальника миссионерской станции, так как обычно чиновник сам приходил в миссию, если ему нужно было что-то уладить.

Не ожидая ничего хорошего от вызова, отец Анджело, угрюмый и недовольный, вошел в кабинет представителя городской власти. Рядом с чиновником он увидел незнакомца. Подошел к столу и сухо спросил:

— Вызывали?

Чиновник встал из-за стола и, кланяясь то отцу Анджело, то незнакомцу, заговорил:

— Видите ли, это господин из центра. Он привез письмо, подписанное жителями нашего городка, об открытии государственной школы. Люди жалуются, что миссии не всех детей принимают в свои школы. Таким образом...

— Юмис написал? — перебил его отец Анджело.

— Да, да, его подпись одна из первых.

— Государственная школа здесь не нужна,— отрезал отец Анджело.— Мы принимаем в школу всех детей. Мне ясно, почему господин Юмис жалуется. Да, да, абсолютно ясно. Юмис отлучен от церкви, он обозлен, хочет навредить миссиям. А кого здесь будет учить государственный учитель? Двоих-троих ребят!

— Двоих-троих, а со временем, может быть, и больше,— вмешался «господин из центра».— Церковь в нашей стране отделена от государства, и правительство заботится об открытии новых школ, тем более что люди сами просят об этом. По-моему, в письме граждан вашего города говорится, что и помещение для школы найдется, и учитель местный есть. Нам остается только жалованье учителю назначить.

— Мы учим детей по государственным программам,— не сдавался отец Анджело.— Нет никакой необходимости еще в одной школе! Ее открытие было бы разбазариванием государственных средств!

— Это дело государства,— прекратил спор приезжий и, повернувшись к столу, стал просматривать какие-то бумаги.

Отец Анджело продолжал стоять посередине комнаты, переминаясь с ноги на ногу, и наконец решился:

— А может быть, вы зайдете к нам на станцию? Очень прошу вас.

— Я не уполномочен...

— Я приглашаю не официально. Посмотрите, как мы работаем, как живем, как обучаем детей в школе. Погостите. Пожалуйста, заходите, оба заходите.

И незаметно подмигнул чиновнику городского самоуправления. Тот вскочил и стал поддакивать отцу Анджело:

— Обязательно надо зайти. Надо выслушать обе стороны, обязательно.

«Господин из центра» немного поколебался и принял приглашение.

Вернувшись на миссионерскую станцию, отец Анджело вызвал брата-эконома и мать Хозефину. Приказал быстро навести порядок в классах, спальнях девочек и мальчиков, столовой, а в гостиной — накрыть стол.

Начальник миссионерской станции Макас и молодые учителя в окружении учеников миссионерской школы. Из этих ребятишек отцы-сезианцы хотели сделать верных слуг господних.

Тут же все это было выполнено.

Перед воротами миссионерской станции гостей встречали два мальчика и две девочки хибаро. Они с низким поклоном вручили им ключ от ворот станции, сделанный из орехового дерева. У дверей школы для мальчиков гостей ждали учителя и отец Анджело. Когда чиновники вошли в класс, мальчики встали и, по взмаху палочки учителя музыки, запели государственный гимн Эквадора. Затем ученики школы читали на испанском языке стихи, играли на фисгармонии.

Гости посетили и школу для девочек. Здесь ученицы подарили им новые «панамские» шляпы. По лицам гостей было видно, что они остались довольны.

В гостинной отец Анджело угощал чиновников итальянским вином, кокосовыми орехами, бананами. Разговор шел о политике. А когда отец Анджело вручил «высокому гостю» пухлый конверт с сукре¹, тот, как бы между прочим, сказал:

¹ Сукре — денежная единица Эквадора, равна 0,07 доллара.

— У вас действительно хорошие школы. Напрасно господа из городка жалуются.

Отец Анджело торжествующе улыбнулся.

Борьба за земельный участок вдовы

Класс Пятраса Масколайтиса продолжал работать на огороде. Учитель внимательно следил, чтобы мальчики не шалили, а главное, не ссорились и не дрались. Ведь в руках у них были острые мачете. В этот день ребята вели себя спокойно. Вдруг Антонио закричал:

— Наши плывут!

Дети подняли головы, бросили мачете и с криками побежали к реке. Прямо в одежде они нырнули в воду.

Масколайтис понял, что на сегодня работа закончена. Собрал мачете, отдал их брату-эконому и пошел в миссию. Издалека его окликнул отец Анджело.

— Опять что-то случилось?

— Мальчишки побежали встречать возвращающихся из-под «чертова моста».

— Столько времени прошло. Думал, все погибли. Слава богу, вернулись!

— Только вот Антонио вроде кричал: «Папочка убит!»

— Беда!.. — огорчился руководитель миссий. — Неизвестно, как индейцы на это посмотрят. Пойду поговорю с вернувшимися, а потом — в деревню. Но одному небезопасно. Проводите меня вместе с Юкнюсом.

Зайдя в церковь, отец Анджело взял церковное облачение, немного святой воды и вместе с Масколайтисом направился на берег реки. Как только лодки причалили, он спросил у вернувшихся миссионеров:

— Много погибших?

— Только Тихий Шиншилла, он попал в руки этих бродяг. Но и наши не остались в долгу: хибаро пришли в ярость, гнали золотоискателей до самых снегов и... троим отрубили головы, — рассказывал руководитель экспедиции, миссионер. — Привезли с со-

бой. Я хотел отобрать, но не дали, будут праздновать праздник победы. Силой отбирать я не стал.

— И хорошо сделал. Сейчас с индейцами лучше не ссориться,— согласился отец Анджело.— А как порох?

— Еле нашли, течением ящик унесло на несколько сот метров от «чертова моста». Хвала господу, разыскали. Каждому хибаро дали за помощь по мешочку. Должны быть довольны.

— Хватит с них по мешочку! А теперь поспешим, чтобы Тихого Шиншиллу без нас не похоронили.

По берегу Упаны миссионеры пришли в индейскую деревушку. Между деревьями их задержал старший брат Антонио, охранявший гэю Тихого Шиншиллы. Это был высокий и широкоплечий юноша. Узнав, что миссионеры пришли на похороны отца, он пропустил их в гэю. Вокруг хижины качалась высокая кукуруза, росла маниока, чудесными цветами цвели агавы.

— Эх, если бы этот участок заполучить миссиям,— вздохнул отец Анджело.— Надо как-то внушить вдове, что, если она перейдет жить в миссию, душа ее будет спасена. «Но как склонить вдову на свою сторону? А вдруг к ней посватается кто-нибудь из хибаро»,— думал он про себя.

В гэе было много индейцев. Заметив миссионеров, они пропустили их к покойнику, лежавшему на пальмовых листьях.

Миссионеры преклонили колени, а отец Анджело торжественно надел белоснежное облачение, достал кропило и, читая молитву, трижды окропил труп.

Мужчины стали копать яму в полу хижины. Отец Анджело подошел к вдове, еще довольно молодой и красивой женщине. Он утешал ее, обещал помогать, но пригласить в миссию в присутствии индейцев не решался. Вскоре соседка пригласила вдову в женскую половину, где на костре женщины жарили мясо, варили маниоку — готовили, как требовал того обычай, еду для покойника, чтобы он не голодал по пути в рай.

Пришел в гэю и колдун Бисхай. Лицо, грудь, руки и ноги его были раскрашены разными красками,

на голове красовались рога какого-то животного, шея была обмотана тремя рядами бус. Скрестив ноги, он сел на коврик из листьев агавы, поднял вверх руки и стал прославлять храбрость погибшего. Перечислил все его заслуги в сражениях с соседним индейским племенем, напомнил и о том, что пятерых бледнолицых он лишил головы. Бисхай, казалось, даже не замечал присутствия миссионеров. В конце своей речи колдун подчеркнул, что хозяина гэи надо собрать в рай прадедов — обеспечить пищей...

В гэю зашел и вождь хибаро — Соколиный Глаз. Он покосился на отца Анджело, но ничего не сказал. Потом пошел в женскую половину за пищей для празднования победы. А отец Анджело радовался, что его не обвиняют в смерти индейца. После похорон нужно будет еще побеседовать с хозяйкой. Приласкать ее, пообещать заботиться о сыновьях. Возможно, и удастся уговорить ее переселиться в миссию.

Яма наконец была выкопана, и мужчины выстлали дно ее пальмовыми листьями. Колдун Бисхай, жестикулируя и что-то бормоча, трижды обошел яму, а отец Анджело покропил ее святой водой. Когда покойник был опущен на дно, Бисхай воткнул у его плеча палку с сучками, на которых висели горшки с жареным мясом и кувшины с никаманчей. Еще трижды обошел он яму и поклонился умершему. Это означало, что можно закапывать. Отец Анджело поспешил бросить в яму три горсточку земли. Когда яму закапывали, женщины пронзительно голосили: «И-и-и-и».

А потом вдова собрала все оружие мужа, орудия труда и положила их в женской половине у дверей. Она имела право еще пару дней жить в гэе мужа, пока не создаст новую семью или не уйдет к родственникам: гэя должна быть оставлена умершему хозяину.

Отец Анджело поспешил к вдове:

— Один твой сын в миссии, теперь приглашаю и тебя со вторым сыном. Будешь жить с детьми, всего у тебя будет вдоволь.

Индианка вытаращила глаза и отпрянула от миссионера.

— Нет, с белыми я жить не хочу. У меня будет другой муж. Берет меня второй женой. А старшего сына можете взять.

Отец Анджело вздохнул. Не повезло! Получил только мальчишку-сироту, а земля осталась у хибаро.

Хибаро с Пастасы¹

Получив порох, индейцы пришли на плантации и на стройку. Но их было очень мало. Отец Анджело чувствовал, что Юмис продолжает свою «подрывную деятельность». Метисы из городка рассказывали, что бывший миссионер привез из Куэнки порох и ткани для одежды. Вокруг его дома часто вертятся хибаро. Юмис ходит с ними на охоту. Начальник миссионерской станции все чаще подумывал о том, что хорошо бы Юмиса совсем выселить из этих мест. Но как это сделать? Может быть, брат-эконом посоветует. Он человек ловкий. Отец Анджело повернул к келье эконома, но встретил его в коридоре с незнакомым индейцем.

— Мы к вам, отец. Этот хибаро хочет у нас ума набраться,— сказал брат-эконом и ухмыльнулся.

Отец Анджело взглянул на высокого, полуголого индейца. По его внешнему виду: прическе, украшениям, оружию — начальник станции понял, что тот пришел из других мест, и жестом пригласил его следовать за собой. Индеец испугался и отпрянул в сторону. Брат-эконом взял его за руку и, успокаивая, объяснил:

— Это отец Анджело, он наделяет разумом.

Хибаро с опаской смотрел на отца Анджело: он никогда раньше не видел человека с бородой. У хибаро бороды не растут.

В своей комнате отец Анджело усадил индейца на скамейку и дал ему пару бананов, которые тот мигом очистил и проглотил, казалось, не жуя. Видно, был очень голоден.

¹ Река в Восточном Эквадоре, второй после бассейна Сантьяго район расселения хибаро.

— Что скажешь, брат? — спросил отец Анджело, увидев, что индеец немного успокоился.

— Я не брат, я хибаро, — высоким голосом ответил индеец. — Я — Жестокий Ягуар.

— Я и спрашиваю Жестокую Ягуара, чего он хочет?

— Я шел девять солнц.

— Откуда ты шел девять солнц?

— Река Пастаса. Роджи. Коти.

Роджи. Коти. Таких названий отец Анджело не слышал.

— Так ты хочешь учиться?..

— Да, да. Мне рассказывал один хибаро, что здесь наделяют умом. На охоте он заблудился. Ночевал в Роджи. Я пришел за умом. Да, да.

— А ты знаешь, как мы наделяем умом?

— Знаю, — захохотал осмелевший индеец. — Учите грамоте белых. А писать я уже умею. Да, да.

— Умеешь писать? А кто тебя научил? Миссионеры?

— В Роджи миссионеров нет и белых тоже. Я сам научился.

— Сам?.. И читаешь?

— Да, да, сам, и читать, и писать.

— Ну, напиши что-нибудь, — отец Анджело дал индейцу карандаш и бумагу. Тот осмотрел карандаш, погрыз его, затем, облокотившись о стол, стал чертить на бумаге черточки и кружочки, крестики и треугольники. Лоб его покрылся испариной. А когда закончил «писать», пододвинул бумагу миссионеру и сказал:

— Читайте.

Отец Анджело смотрел на бумагу и думал: «Наверное, он видел грамотного хибаро. Хорошо бы взять его в пансионат. Будет работать и учиться. Возможно, из него и миссионер получится. Парень он вроде шустрый».

— Что я написал? — хитро улыбался индеец.

— Я уже прочел про себя, — ответил миссионер. — Теперь ты прочти вслух. Я проверю, умеешь ли ты читать.

— Я — Жестокий Ягуар. Я пришел к падресито, — начал хибаро и, взглянув на миссионера, заулыбался.

Юные представители племени хибаро.

ся.— Меня научат языку белых. Я наберусь ума. Буду умный. Стану вождем племени.

— А больше никто из ваших мест не хочет набраться ума? — спросил отец Анджело.— Ты не говорил с друзьями?

— Хотят! Но вождем может быть только один. Я!

«Так вот что у него на уме! — подумал про себя отец Анджело.— Хорошо, если б он привел с собой друзей. Вместе бы работали. Может быть, кто-нибудь из них и миссионером бы стал... А одного из пришлых хибаро на Юмиса натравил бы, как на врага индейцев. Пусть не идет против церкви! Уж больно он осмелел последнее время: индейцев подстрекает к бунту, кляузы пишет! Если что с ним и случится, то даже совесть мучить не будет».

— Один вождем не станешь, — сказал миссионер вслух.— Нужны помощники. Собери друзей. Приведи. Всех уму-разуму научим! Только за учение придется поработать. Ум нигде и никто даром не дает. Нигде! Подумай хорошенько. А теперь иди умойся. Брат даст тебе покушать, одеться. Голому у нас ходить нельзя. А завтра пойдешь за друзьями.

— Хорошо! — потряс в знак согласия головой хибаро.

Но лишь только вышел в коридор, пустился бежать. Спрыгнул со второго этажа и напрямик, через сад и огороды бросился в джунгли.

Отец Анджело проводил индейца недоумевающим взглядом. «Вернется или нет? Почему не поел, не взял одежду? Может быть, не знает, что это такое? А может быть, торопится за друзьями? Увидим...» — решил про себя миссионер.

Празднование победы

Наступила страдная пора — сев кукурузы. Ученики школы и несколько индейцев не справлялись с работой на плантациях. Ведь хибаро сажали кукурузу по зернышку в вырытые пальцем ямки. Поэтому дело шло очень медленно. Несколько лет назад миссионеры пытались научить их бросать кукурузу в бо-

роздки, проведенные граблями, но индейцы продолжали сеять по-своему. Отец Анджело махнул на это рукой: пусть работают, как привыкли, лишь бы работали. Но беда в том, что в этом году многие хибаро, подстрекаемые Юмисом, отказались работать на миссии. Начальник миссионерской станции искал предложения откровенно поговорить с ними. Однако идти в деревню без приглашения при теперешних отношениях с индейцами рискованно: можно и отравленную стрелу в спину получить.

Случай для общения с хибаро вскоре представился. Правда, он был не совсем приятным для отца Анджело как руководителя миссий.

Однажды в комнату отца Анджело неожиданно ворвался вождь хибаро Соколиный Глаз. Он был раскрашен по-праздничному. Голову украшала та-васа — убор из перьев, спускающийся сзади до земли.

В руке он держал копье с железным наконечником, украшенное лентами. Отец Анджело удивился и обрадовался:

— Сам вождь племени! Как приятно!

— Тебя и всех твоих братьев приглашаю на празднование победы! — гордо сказал вождь. — Наши мужчины победили белых врагов!

И, не дождавшись ответа, стремительно вышел из комнаты. Пробежал через двор и направился в город.

Как обычно, отец Анджело не решился идти к хибаро один. Через дежурного монаха он приказал собираться Юкнюсу и еще нескольким миссионерам. Облачившись в новую сутану, отец Анджело надел поверх нее латунный крест на золотой цепочке, а в карман сунул небольшой пистолет. Дал оружие и сопровождающим.

Только вышли они со двора, как услышали барабанный бой. Праздник начался.

Пройдя немного по лесной тропе, монахи вышли к бамбуковой роще. Там под высокими склонившимися кокосовыми пальмами стояла большая хижина, где собирался совет деревни. Она была овальной формы, как гэя, только в несколько раз больше. Крышу поддерживали столбы из негниющего дерева

чионты. На сторожевой вышке сидели барабанщики и непрерывно барабанили.

У хижины миссионеров встретил один из воинов хибаро. Узнав гостей, он положил им руки на плечи в знак приветствия, а затем провел их в помещение и дал каждому по скамейке. Кругом на таких же скамьях сидели все мужчины деревни. У самой стены теснились женщины. Ближе всех к костру, на возвышении, сидел вождь Соколиный Глаз, рядом с ним — колдун и несколько членов совета, тоже в уборах из птичьих перьев, только более скромных.

Когда колдун зажег костер, барабаны утихли. Барабанщики вошли в хижину совета и снова принялись барабанить, только более медленно и ритмично, как бы приглашая танцевать.

На помост вышла молодая индианка в юбочке из птичьих перьев, нижняя губа и уши ее были украшены бамбуковыми кольцами. В руке она держала небольшой барабанчик. Это была Тсанса Ухаха: ей полагалось вести церемонию праздника.

Девушка ударила барабанчиком по колену, и на помост выбежали два молодых индейца. Они несли в вытянутых руках палки, на которых болтались тсансы (головы убитых врагов), и воткнули их посреди помоста. За ними вышла группа молодых индианок с большими кувшинами никаманчи. Они поставили эти кувшины у воткнутых палок.

Когда Тсанса Ухаха второй раз ударила барабанчиком, на помост поднялись двое юношей со скамейками. Поставив скамейки у кувшинов, они вместе с индианками удалились. Потом появились два индейца, вооруженные копьями. Остановились напротив вождя племени, постучали о пол копьями. Забили барабаны.

Третий раз ударила барабанчиком о колено Тсанса Ухаха, и на помост вышли трое пожилых хибаро. Они сняли тсансы с палок и отдали колдуну. Это означало, что именно они убили врагов. Колдун брал из их рук тсансы и по очереди опускал их в три кувшина никаманчи, потом в кувшин с чистой водой. После этого он снова привязал их к палкам.

Герои дня сели на скамьи и, запрокинув головы, широко открыли рты. Колдун стал лить им в рот ни-

Миссионеры в индейской деревне. Эксплуатируя хибаро, святые отцы расплачивались с ними словом божьим.

каманчу. Это продолжалось до тех пор, пока Тсанса Ухаха не ударила барабанчиком о колено. Тогда первый из воинов встал и поднял кулаки. Это означало, что сила врага перешла к нему и он стал вдвое сильнее. Второй поднимался тяжелее, но все-таки встал и тоже поднял кулаки. Их, как героев, женщины усадили рядом с вождем племени. Третий, как ни старался встать, не смог и упал со скамейки. Его взяли под руки и вывели из хижины. Все переглянулись. Ведь если воин не мог встать со скамьи, это означало, что сила врага его одолела и он недостоин имени герся.

На головы героев девушки надели уборы из перьев попугая. После этого женщины стали угощать всех жареным мясом. В скорлупу кокосовых орехов, украшенную резьбой, наливали никаманчу и раздавали собравшимся. Не обошли и миссионеров. Потягивая никаманчу, те почувствовали, что пьянеют, но продолжали пить, боясь обидеть индейцев. Отец Анджело встал, намереваясь выйти на воздух отдышаться. У двери его задержал Быстроногий Окапи.

— Падресито,— шепнул он,— Юмис дал мне порох, но вождь отобрал у меня ружье. Если дашь ружье, я не женюсь на вдове Тихого Шиншиллы и она придет к вам.

— Вот как? — отозвался отец Анджело.— Но она может выйти за другого.

— Дашь ружье — не выйдет.

— Если она придет в миссию, получишь ружье.

Юнкюс слышал этот разговор и подумал: «Купил за ружье семью индейцев и участок земли. Какой обман!» И испугался, почувствовав, что рушатся его иллюзии относительно миссионерской деятельности.

Тем временем к костру подошли полуголые индейцы с луками в руках. Под барабанный бой танцоры начали исполнять танец борьбы. Иногда они падали на землю и корчились как в агонии. Потом вскакивали, кричали: «У-хо, у-хо, у-хо», и поднимали вверх луки.

Потом юноши и девушки стали плясать танец победы, по окончании которого девушки увенчали венками головы юношей. К концу праздника плясали и стар и млад, и все пили никаманчу. Некоторые хибаро еле держались на ногах. Кое-кто спорил и дрался, но драчунов разнимали, а затем, связав по рукам и ногам, выносили из хижины и клали под пальмами.

Отец Анджело нахмурился, заметив среди танцующих Юмиса. Было видно, что хибаро его уважают и считают своим другом.

Уже светало, когда миссионеры попрощались с вождем и вернулись в миссию. А Юмис остался с индейцами до конца праздника.

Сделка состоялась

Утром, чуть свет, во дворе миссии появился Быстроногий Окапи. За ним шла жена Тихого Шиншиллы. На плечах она несла узлы со своим небольшим имуществом. Оба вошли в гостиную. Дежурный брат пригласил туда отца Анджело. Увидев начальника миссионерской станции, Быстроногий Окапи закричал:

— Давай ружье!

— Сначала я хочу поговорить с женщиной. Как ее зовут?

Не получив ответа на свой вопрос, отец Анджело обратился к женщине:

— Первая жена Тихого Шиншиллы, скажи мне, хочешь ли ты жить в миссии вместе со своими сыновьями? Не убежишь? Придется работать в огороде.

— Быстроногий Окапи велел мне идти к вам. Ему очень нужно ружье.

— А землю свою миссии отдашь? Надо будет подписать договор.

— Я писать не умею.

— Палец приложишь. А когда приложишь, земля уж будет наша.

— А кто будет моим мужем? — робко оглядываясь, спросила индианка.

— Женщины в миссиях живут без мужей.

— Дайте ей подписать, — торопил Быстроногий Окапи. — Я договорился с вождем, пусть живет без мужа. Или вы, падресито, будьте ей мужем. Кто хочет, может быть. Она — ваша.

— Учим мы вас, учим, а вы все чушь несете, — рассердился отец Анджело.

— Принесите мне контракт, — обратился он к дежурному брату. Когда тот подал ему бумагу, он подсунул ее женщине:

— Здесь приложи палец.

Индианка, увидев бумагу, отпрянула в сторону. Но Быстроногий Окапи схватил ее за руку, ткнул ее палец в чернильную подушечку и прижал в указанном месте. Сделка состоялась.

— А ружье? — беспокоился индеец. — Я все сделал.

— Отведи его к брату-эконому, пусть даст ему охотничье ружье, — приказал отец Анджело дежурному. — А женщину отведи к сестрам.

Побег кандидата в семинаристы

Способнейшие из учеников миссионерской школы использовали обычно после окончания учебы в качестве катехетов. Их специально готовили к этой

деятельности, учили тому, как разъяснять индейцам «истины» христианской веры. Учил этому своих лучших учеников и Альфас Юкнюс. Некоторых из них он рассчитывал даже подготовить в семинарию. Ежедневно в полдень, в самую жару, будущие катехеты помогали девочкам плести шляпы. А после обеда, когда становилось чуть прохладней, шли на строительную площадку и, поднявшись на леса из дерева чионты, пилили и строгали доски. Однажды, собираясь на вечерню, Альфас Юкнюс заметил, что среди работающих нет Джонни, которого до крещения звали Упрямый Нанду.

Джонни был живым и крепким мальчиком, неплохо овладевшим испанским языком. По утрам он прислуживал в церкви. По мнению отца Анджело, это был самый подходящий кандидат в Куэнкскую салезианскую семинарию.

Юкнюс не мог понять, куда же без спроса ушел Джонни. Во время ужина у мальчишек узнал, что Джонни пошел охотиться на тай.

Юкнюса даже в жар бросило: на тай хибаро охотится только тогда, когда собирается жениться. Из крыльев этих птиц невеста должна сделать жениху повязку, называемую таякунчи. Таякунчи является обязательной принадлежностью свадебного наряда жениха.

Джонни — круглый сирота. Юкнюс к нему очень привязался. «Казался таким искренним, добрым, а о своем намерении жениться ничего мне не сказал, — с горечью подумал молодой монах. — Может быть, удастся еще отговорить? Не получится, видно, из него миссионер. Попадет мне от отца Анджело! Что ж, я, наверное, и сам виноват. Слишком часто рассказывал ему о своей юности, о годах учебы в Каунасской гимназии, о девушках, которые мне нравились...»

Юкнюс решил проверить, действительно ли Джонни готовится к свадьбе? Может быть, его просто не привлекает работа миссионера? На следующее утро он отправился на розыски Джонни. Он пошел в деревню, где жил Быстроногий Окапи, так как слышал, что Джонни сосватал его дочь.

На самом краю деревни он увидел совсем новую гаяу. «Для Джонни построили», — екнуло у Юкнюса

сердце. Он подошел поближе. Сторожа здесь не было. И гяя была пустой. Стояли в ней новые скамьи, а на мужской половине был сложен костер. Рядом стояла гяя Быстроногого Окапи. Юкнюс направился к ней, но его остановил сторож и махнул рукой в сторону роши чионты:

— Пожалуйста, пожалуйста!

Так как гость не решался идти туда один, сторож проводил его. Среди деревьев тесной группой стояли человек десять индейцев и смотрели в одну сторону.

Юкнюс присоединился к ним, но не сразу понял, что привлекло их внимание. Присмотревшись, он увидел на берегу реки лежащего в траве полуголого индейца. Вдруг индеец вскочил и прыгнул в воду. В реке мелькнуло пестрое туловище анаконды. Юкнюс понял, что индеец борется со змеей: по старинным индейским свадебным обычаям, юноша должен победить анаконду и только тогда получит таякунчи от невесты.

«Не Джонни ли там? — подумал Юкнюс. — Неужели он успел уже тайком от миссионеров все подготовить к свадьбе? Как же теперь быть?»

Вода в реке кипела. Время от времени на поверхности появлялась то голова юноши, то извивающееся тело огромной змеи. Охотник старался задушить анаконду, а она — обвиться вокруг него и раздавить.

Индейцы бесстрастно смотрели на единоборство человека с чудовищем джунглей — помогать, согласно старинным традициям, не следовало.

Вдруг голова юноши показалась над водой у самого берега. Юкнюс узнал сына Быстроногого Окапи, и у него отлегло от сердца. «Слава богу — не Джонни! Может, еще не все потеряно? Может быть, ребята что-то напутали?» Юкнюс решил остаться на свадьбе хибаро, надеясь получить здесь ответ на волнующий его вопрос.

Юноша гордо выходил на берег, волоча за собой удава. К нему гурьбой бежали хибаро, выкрикивая похвалы в адрес охотника. Сын Быстроногого Окапи подошел к своей невесте и положил анаконду ей на плечи. А девушка уткнулась головой ему в грудь. Юноша потерся лбом о затылок невесты и сказал:

— Это я убил анаконду!

С плеч невесты анаконду снял колдун Бисхай. Он разрешил Юкнюсу осмотреть удава. Змея была шестиметровой длины. Нужна недюжинная сила и большая ловкость, чтобы задушить ее голыми руками.

С радостными криками индианки потащили анаконду в гэю Быстроногого Окапи. А Бисхай подвел молодых к участку взрыхленной земли и сказал:

— А теперь, сын Быстроногого Окапи, покажи, умеешь ли ты сажать маниоку, сеять кукурузу, умеешь ли ухаживать за кофейными деревьями.

Юноша взял большую корзину с маниокой и стал рядами сажать маниоку в землю. Когда с маниокой было покончено, он начал сеять кукурузу, бросая зерна в вырытые пальцем ямки. Затем мачете обрубил ветки кофейного деревца. Юноша справился с заданием.

— Тише! Тише! — закричал колдун.

Он подошел к жениху с невестой и встал между ними. Правую руку положил на плечо жениха, а левую — на плечо невесты и сказал:

— Это ваша земля. Утром я выгнал из нее злых духов. Любите землю и будете жить хорошо.

Тогда юноша повернулся к невесте:

— Я посадил маниоку, кукурузу, обрубил кофейное дерево, а ты их вырастишь, — сказал он. — Будешь варить маниоку, печь лепешки. Если станешь плохо работать — выгоню. Если одна не будешь успевать — женюсь на другой...

И, заметив миссионера, умолк. Все выжидающе смотрели на Юкнюса. Стояла напряженная тишина.

Ее прервал вождь племени Соколиный Глаз.

— Сын Быстроногого Окапи сильный. Удавил анаконду. Убьет не одного врага. Он воин нашего племени! Хороший будет муж! Умеет сажать маниоку, сеять кукурузу. Если трудно будет одной жене управляться с работами, может жениться на второй. Обе они и пищи больше приготовят, мы сможем чаще угощаться. А теперь ведите меня в свою новую гэю. Я все сказал!

Невеста вынесла из гэи таякунчи, украшенную перьями красных канареек. Надела ее на жениха. Потом опять уперлась головой юноше в грудь, а тот

Несмотря на все усилия миссионеров навязать индейцам христианскую обрядность, хибаро предпочитали свои древние обычаи. Юноши хибаро в ритуальном танце.

лбом коснулся ее затылка, подтверждая, что он ее муж и хозяин дома.

Все пошли в мужскую половину гэй. Здесь уже горел костер. У костра сидел Быстроногий Окапи с женой и родителями невесты. Молодые подошли к ним, подбородком коснулись их плеч и обняли.

Потом колдун произнес речь, напомнив, что уже с детства молодые были предназначены друг для друга. Не преминул напомнить еще раз, что если жене будет тяжело, муж приведет вторую и третью жену. Юноше надели на голову нарядную тавасу из перьев, концы которой свисали до пояса, а девушке в нижнюю губу вдели бамбуковое колечко — символ принадлежности мужу. Молодая жена сразу начала хозяйничать. Принесла из женской половины вертела с мясом удава, жарила его и раздавала гостям. Первым — колдуну, вождю племени и членам совета.

Когда мясо было съедено, хозяйка оделила всех разными фруктами. Из кувшинов в скорлупу кокосовых орехов разливали вино из пальмовых цветов. Мужская половина гудела, как улей. И только когда из женской половины выбежали танцоры, украшенные большими разноцветными перьями, шум немного утих. Загремели барабаны, застучали погремушки. Танцоры начали быстрый свадебный танец, имитирующий схватку с анакондой и охоту на тай. Число танцующих все увеличивалось.

После танцев начались песни. Улучив минуту, когда Быстроногий Окапи отошел в сторону, Юкнюс подошел к нему и спросил:

— А почему на свадьбе нет Упрямого Нанду? Он, кажется, обручен с твоей дочерью?

Быстроногий Окапи, по-видимому не ожидавший такого вопроса, был явно смущен, но отпираться не стал.

— Да, падресито, — признался он. — Упрямый Нанду знает язык белых. Он будет первым спутником вождя племени. Он будет жить хорошо. Сможет иметь пять жен и каждый день пить вино из пальмовых цветов.

Юкнюс почувствовал, что Джонни для миссии потерян. Кто захочет ссориться с вождем племени?

Юкнюс, огорченный, отправился на миссионерскую станцию. Его ждал неприятный разговор с начальством.

Понижение Альфаса Юкнюса

Юкнюсу не везло: когда после двухмесячного перерыва в учебе начался новый учебный год, еще двое из кандидатов в катехеты бросили школу.

Отец Анджело винил в побегах индейцев из школы одного Альфаса Юкнюса. Ему казалось, что этот молодой монах слишком «миндальничает» с краснокожими. Рассказывает им зачем-то о жизни людей в других странах, о достижениях науки и техники. Лучше бы рассказывал о чертях и преисподней. Ведь хибаро можно удержать только страхом.

Однажды утром в миссию вернулся Жестокий Ягуар. Он неожиданно ворвался в комнату отца Андже-

ло. Индеец выглядел очень усталым. Все тело его было перепачкано золой.

— Не идут они, не идут!.. — заговорил он, не ожидая расспросов миссионера.

— Кто не идет?

— Они не идут. Били меня. Не идут.

Отец Анджелио расспросил индейца и узнал, что его соплеменники не хотят идти в миссию «за умом». Но сам Жестокий Ягуар пришел. «Из него определенно может выйти хороший миссионер, — решил про себя отец Анджелио. — Но почему он весь в золе и пепле?»

— Где ты испачкался?

— Дождь был, холодно. Разжег костер, и спал в золе.

— На, возьми мыло.

Жестокий Ягуар, думая, что его угощают, схватил мыло и откусил кусок, но сразу выплюнул и сердито посмотрел на миссионера. Решил, видно, что тот надсмехается над ним. Но отец Анджелио объяснил ему, что мылом надо мыться, как листьями агавы. Сказал, что после мытья он получит чистую одежду и еду. Индеец взял мыло и пошел к реке.

Тем временем отец Анджелио пригласил в свою комнату Пятраса Масколайтиса. Когда тот пришел, начальник похвалил его за старательность и изобретательность в обучении индейцев, за то, что Масколайтис приучает их читать салезианские газеты и журналы. И добавил:

— Завтра утром, сын мой, возьмешь у Юкнюса его учеников. Они постарше, более развиты. После экзаменов самых способных направим в гимназию куэнкского монастыря. И еще...

— Но отец, — прервал начальника Масколайтис, — я... Как же так? Юкнюс — мой соотечественник... Вместе в Италии учились. Мне неудобно.

— Сын мой, здесь поступают так, как нужно миссии. Ее интересы превыше всего. Вам остается выполнять приказание. Вот еще что: в твою группу я включил совсем неграмотного, но жаждущего познать бога индейца — Жестокого Ягуара. Подготовим его в Куэнку, в семинарию. Хотя бы частично возместим ущерб, нанесенный Юкнюсом.

Из комнаты начальника Масколайтис вышел взволнованный и озабоченный. Он боялся объяснения с Юкнюзом: чувствовал себя в чем-то перед ним виноватым.

Отец Анджело, проводив за дверь Масколайтиса, сразу же вызвал Юкнюза.

— Прямые задачи миссий забываешь, сын мой,— обрушился он на молодого учителя,— учишь будущих катехетов не тому, чему должен их учить.

— Простите, отец, но не наша ли обязанность помочь индейцам узнать свою страну, понять явления природы...

— В первую очередь мы должны внушить им любовь к господу.

— Но в программе обучения катехетов, кроме основных догм вероисповедания, предусмотрен, например, курс географии...

— Что полудикий юноша может понять в географии? Глупости!

— Но мои ученики умеют уже нарисовать карту Эквадора. Имеют некоторое представление о его истории. Знают имена Симона Боливара и Сан-Мартина. Могут на карте показать главные реки, горы и города страны.

— А об основателе нашей конгрегации они что-нибудь знают? Вряд ли. А мою фамилию? Тоже вряд ли. Всех нас они зовут «падресито», и только. Святых по сей день путают со святой троицей.

— Но, отец...

Отец Анджело знаком руки остановил Юкнюза:

— Так вот, катехетов ты учил не тому, чему полагается. Поэтому завтра утром передашь свою группу Масколайтису. А сам примешь младший класс. И помни, главное — это воспитать индейцев в страхе божьем!

Разговор этот очень расстроил Юкнюза: ведь решив стать миссионером в этой далекой от его родины стране, он мечтал своими знаниями приносить людям пользу, помочь им преодолеть нищету и отсталость, а не только «нести им слово божье». «Может, пожаловаться на отца Анджело епископу? Но что этим добьешься? Отец Анджело сумеет оправдаться. Скажет, что я запретные книги читал, сомневался в

истинности христианских догм... Еще чего доброго и из миссии выгонят! Ну и пусть! По крайней мере хоть правду скажу, хоть что-нибудь для индейцев сделаю, ведь у епископа голова должна быть светлей, чем у отцов-миссионеров. Так и напишу: начальник миссионерской станции Макас отец Анджело Виний не разрешает учить катехетов по программам, утвержденным святым престолом!»

Письмо, адресованное епископу, Юкньюс послал с первым караваном.

Период дождей

Высокое голубое небо стало хмуриться. И однажды утром откуда-то надвинулись кучевые облака. Над джунглями зашумел влажный ветер. Заморосил дождик, и щебет птиц утих. Стало душно.

Через неделю небо как бы опустилось и посерело. Временами шел такой сильный дождь, что выйти из-под крыши было невозможно. Сделаешь шаг — и промокнешь насквозь. Река Упана вышла из берегов, заливая все вокруг: джунгли, поля, сады.

С каждым днем на миссионерскую станцию приходило все больше индейцев. Они уже не торговались насчет платы за свой труд. Соглашались работать только за еду. Ведь в период дождей охотиться трудно. Приближалось голодное время. Миссии не могли дать работу всем, кто хотел ее получить: объем работ на станции резко сократился.

Хибаро стали нападать на склады миссий. Пришлось усилить охрану. По утрам у дверей церкви или у ворот станции миссионеры находили подброшенных младенцев. Часто хибаро приводили в миссии подростков ребят, но миссионеры их не принимали, потому что, как правило, с окончанием дождей те удирали из миссий. Удержать удавалось обычно только круглых сирот, подкидышей или детей, родители которых работали в миссиях.

В период дождей прерывалась и всякая связь с индейскими деревнями. Ходить в них было опаснее, чем в другое время года, так как голодали не только люди, но и звери, в том числе хищники.

В миссионерской школе в это время больше внимания уделялось учебе. С наступлением периода дождей привел в школу своего сына Габриэля и бывший миссионер Юмис. В коридоре он встретил Альфаса Юкнюса. Вручил ему бумагу министерства просвещения, в которой говорилось, что поскольку государственной школы в Макас не будет, то все дети должны учиться в школе миссионерской станции. Прозекзаменовав Габриэля, Юкнюс решил, что мальчик достаточно подготовлен для третьего класса, и принял его. Побеседовал он и с отцом своего будущего ученика. Юкнюс знал, что Юмис бросил миссионерскую деятельность, женился, или, по словам отца Анджело, стал сожителем с красавицей индианкой, знающей испанский язык. Юкнюс смотрел на белый костюм Юмиса, на его пышную бороду и думал: «Человек как человек, почему же отец Анджело его за человека не считает?»

Через два дня о приеме сына Юмиса в школу узнал отец Анджело. Вне себя от ярости прибежал он к Юкнюсу в класс и в присутствии детей стал выговаривать учителю:

— Кто вам разрешил принять сына проклятого церковью Юмиса в школу?

— Письмо есть. Самим министром просвещения подписано. Кроме того, мы обязаны как можно больше детей принимать в школу. Вы, отец, сами нам об этом говорили.

— Но родители этого ребенка наши враги. Неужто вы не понимаете? Все еще разиней остаешься? Прости за грубость, но так оно и есть. Джонни потерял. Теперь опять промахнулся... Куда тебя девать? Не годишься даже для начальных классов. Совсем не годишься.

— Отец, чем же Габриэль виноват, что отец его отлучен? Мальчик он вежливый, господу любит.

— Ты еще и защищать его будешь? Может, и сам уже с какой-нибудь развратницей-индианкой спутался? Ступай, исповедуйся за всю жизнь или с первым же караваном вернешься в Куэнку и будешь судим духовным судом. За еретические мысли тебя надо в подземелье замуровать, как это делали иезуиты.

Юкньюс понял, что доказывать что-либо бесполезно, а за непослушание он может быть строго наказан. Поэтому он опустил голову и сказал, скрыв свое негодование:

— Простите, отец. Завтра утром исповедуюсь за всю жизнь. Вам.

— Мне неважно — кому, — немного смягчился отец Анджело. — Сегодня после уроков отведешь Габриэля домой и скажешь его родителям: «Миссии не могут учить нехристей». А сам с завтрашнего дня будешь работать на стройке.

С этими словами начальник миссионерской станции вышел из класса.

Габриэль схватил книги и убежал домой.

Юкньюс стоял у доски и не знал, что ему делать. Отчаяние сжало горло, в голове гудело. В мыслях Юкньюс проклинал тот миг, когда, увлекшись идеей просвещения индейцев, решил поступить в салезианский монастырь.

Отец Анджело делает ставку на Жестокого Ягуара

Ливни порой прекращались. Иногда сквозь тучи пробивалось лучистое солнце, но по земле стлался густой, как парное молоко, туман. Казалось, земля насквозь пропитана душной сыростью.

В школе была самая горячая пора.

Жестокий Ягуар за сравнительно короткий срок пребывания в школе сделал большие успехи: выучил буквы, усвоил некоторые испанские слова и стал складывать предложения. Он занимался везде, даже в церкви, во время службы, а когда ему запрещали это — не слушался. Через некоторое время монахи окрестили его и нарекли Пабло, но он не откликался на новое имя и называл себя только Жестокий Ягуар, хотя ему не раз объясняли, что Пабло — это святой, а ягуар — всего лишь зверь.

— Ягуар очень сильный, а Пабло — так себе, только добрый дух. Да, да! — возражал он.

Миссионеров не очень огорчало его упрямство. Со временем они надеялись «обломать» его. Ясно было, что Ягуар — Пабло — очень способный человек. Он

хорошо работал на плантациях с мачете, метко стрелял из лука, быстро научился пользоваться пилой и стамеской. Кроме того, он неплохо играл на свирели, и инспектор школы Карл Симонетти принял его в церковный оркестр.

На экзаменах все члены комиссии единодушно пришли к выводу, что Жестокий Ягуар — самый подходящий кандидат в куэнкскую духовную семинарию. Другие кандидаты в семинарию выглядели на экзаменах гораздо слабее: плохо знали испанский, путали истины христианства с верованиями хибаро и т. п. Рекомендовать их для продолжения учебы в монастыре комиссия не решалась. Однако последнее слово оставалось за отцом Анджело. Он долго думал и наконец сказал:

— Семинария очень нуждается в индейском пополнении, поэтому мы должны направить нескольких наших выпускников в Куэнку. Их отведет туда после дождей Пятрас Масколайтис, которого за хорошую работу в нашей школе епископ повысил и назначил в Куэнку. А Пабло временно (прошу вас, Масколайтис, сказать об этом отцу Анхелю) оставим в миссии. Мы пойдем с ним в его родную деревню и, если там еще не ступала нога миссионера, подготовим хорошую почву для распространения христианства среди тамошних хибаро. Будут другие мнения?

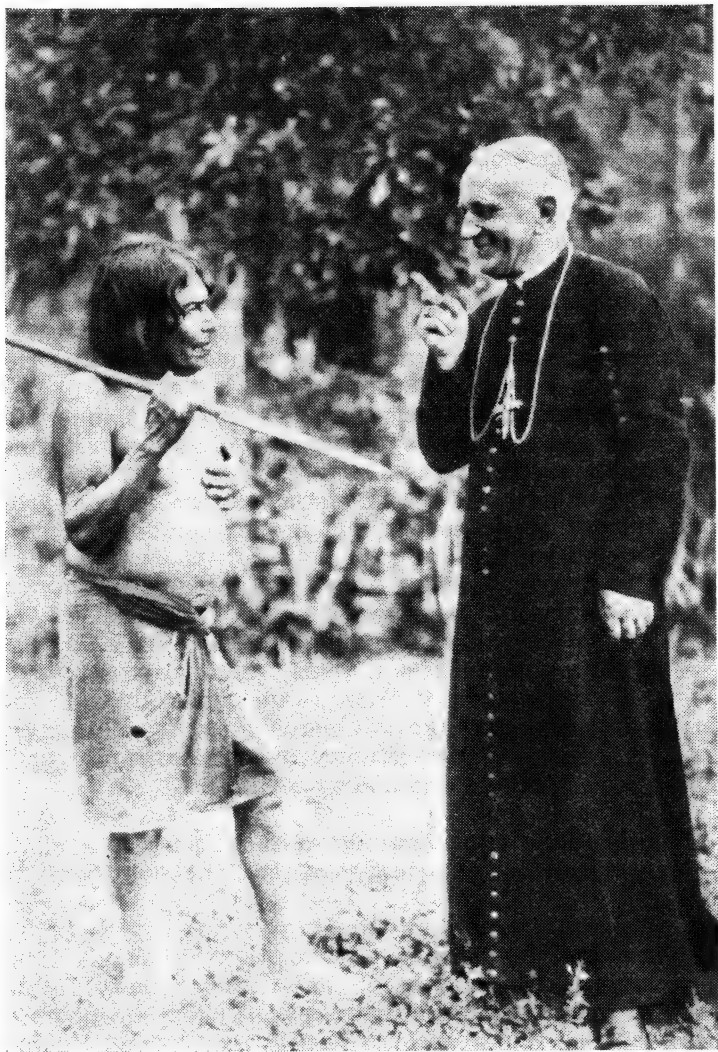
У членов комиссии других мнений не оказалось.

Исчезновение выпускников школы

Густой туман, долгое время покрывавший землю, стал рассеиваться. Временами сквозь его белесый слой прорывались длинные лучи солнца. Воздух делался все суше. Вода стала спадать.

Наконец Упана вошла в свои берега, и джунгли ожили. Цикады не умолкали ни днем ни ночью, во всех болотах квакали лягушки. Хибаро все реже появлялись у ворот миссионерской станции: они были уже не так голодны.

Ликующий Масколайтис собирался объявить своим бывшим ученикам радостную новость. Ему казалось, что ребята, узнав, что их направляют в город, поклонятся ему до земли. Он расскажет своим

Несмотря на неудачи, миссионеры не оставляли надежд превратить свободолюбивых хибаро в покорных рабов божьих.

воспитанникам о достопримечательностях Куэнки, о ее церквах, музеях. Напомнит им, что в семинарии они получают новую одежду, такую, какую носит он: черную и длинную до самой земли. Все: красные, черные и белые — будут их уважать, а женщины — целовать руки. Вот какой почет ждет их!

Гордо вошел он в класс. Но выпускников там почему-то не было. Ни один не пришел?! Может быть, брат-эконом опять их на работу послал? Но он должен был предупредить учителя. В сердце закралось беспокойство: «А если убежали? Не может быть!»

Почти бегом Масколайтис направился в столовую. Нет, завтракать они еще не приходили. Может быть, отец Анджело им специальную проповедь читает? Но в церкви их нет, нет и в спальнях.

Не обнаружив нигде своих учеников, Масколайтис доложил об этом инспектору Карлу Симонетти. Тот признался:

— Вчера вечером я им сказал, что они поедут в город. Думал, обрадуются. Ведь это первая от нас группа в семинарию!

— И обрадовались? — спросил Масколайтис.

Карл Симонетти задумался.

— Мне кажется, вздрогнули.

— Испугались?!

— Похоже, что так... Испугались, убежали из школы и где-то спрятались. В джунгли они не пойдут, индейцы их не примут, кому они, сироты, нужны? Притаились где-нибудь поблизости.

— Надо искать.

Инспектор созвал братьев-миссионеров, объяснил, что случилось, и спросил, не видел ли кто старшеклассников.

— Одного видел: на кокосовую пальму залез, — ответил дежурный брат. — Залез и привязался. Мне еще странным показалось, зачем привязался.

— И я видел ваших школяров, — сказал сторож с плантации. — Несколько человек на берегу Упаны залезли в дупла деревьев. Я думал — в прятки играют. Только удивился, что так рано: все еще спали.

— Как же их оттуда выманить? — забеспокоился Симонетти. — Они упрямые. Может, подождать? Проголодаются — сами придут! Только бы в джунг-

ли не ушли. Епископ нам этого не простит. Надо им сказать, что никуда их не повезут, а позже связать им руки и увезти.

Масколайтис попытался выманить ребят конфетами. Но те, по-видимому, были настроены воинственно: послали в учителя несколько стрел.

Тогда Карл Симонетти вынул из кармана сутаны пистолет и направил его дуло в сторону ближайшего дупла. Он хотел припугнуть беглецов, но Масколайтис внезапно схватил его за руку:

— Инспектор, индейцы!

Из-за дерева показались перья. Симонетти понял: там прячутся вождь хибаро и, возможно, еще несколько индейцев, которые, по-видимому, решили ребят в обиду не давать.

Выждав минутку, инспектор закричал:

— Соколиный Глаз, эти дети принадлежат миссии, мы им худого не желаем. Отвезем в Куэнку, чтобы еще больше ума набрались. А через пять ливней они вернутся.

— Ума вы им больше дать не сможете,— ответил вождь.— Сколько у самих имелось, отдали, а теперь вы их, ясное дело, продать хотите! За них в Куэнке много мулов дадут. Да, да!

Симонетти понял: надо торговаться, иначе ребят отсюда не увезешь.

— Пошли своего воина, пусть он проводит детей и убедится, что мы их не продадим. Мальчики выучатся на миссионеров, станут такими, как мы, и вернутся.

— Хорошо,— поколебавшись, согласился Соколиный Глаз.— Но пока вернется мой воин, дайте мне ружья.

И он показал три пальца.

— Ты получишь в качестве залога три ружья. А теперь собери детей.

— Сам собери. Ведь ты их повезешь. Да, да.

Карл Симонетти выстрелил несколько раз в воздух, и мальчики с воплями стали слезать с деревьев. Подбежали к учителю и принялись креститься. Довольные такой развязкой, Симонетти и Масколайтис повели своих воспитанников на миссионерскую станцию.

Хотя вождь племени, получив обещанные ружья, заверил ребят, что миссионеры не продадут их, те пронизывали подозрительными взглядами инспектора и учителя и отказались идти завтракать.

Для сопровождения каравана в Куэнку отец Анджело выделил де ла Фуэнте и двух вооруженных братьев. Детей решили на мулов не сажать, чтобы они по дороге не сбежали. Их перевязали по талии веревками, концы которых прикрепили к мулам (в прежние времена так водили рабов). Провожая караван в путь, отец Анджело произнес короткую проповедь. Он воздал в ней хвалу тем, кто посвятил себя миссионерской деятельности, выразил надежду, что из выпускников школы получатся хорошие миссионеры, которые вернутся в Макас, чтобы вести работу среди своих соплеменников. Учителям наказал глаз не спускать с мальчишек, пока не передадут их в Куэнке с рук на руки самому отцу Анхелю.

Путешествие в незнакомую деревню

Инспектор Симонетти, проводив караван до «чертова моста», вернулся на миссионерскую станцию. Он рассказал, что мальчишки пытались убежать в первый же день, но их сразу поймали. Они все время молчат и кажутся очень озлобленными. Но, даст бог, караван доберется благополучно до места.

Отец Анджело не медлил с осуществлением своего замысла. Пригласил Пабло — Жестокого Ягуара и сказал:

— Хочу пойти на твою родину. Проводишь меня?

Индеец вздрогнул. Оглянулся по сторонам, как бы намереваясь удрать.

— Не волнуйся, — успокаивал его отец Анджело. — Ты теперь набрался ума, умней других стал. А вождю твоего племени подарки отнесем. Проводишь?

Жестокий Ягуар долго не отвечал. Видимо, в нем шла внутренняя борьба. Наконец он решился:

— Хорошо.

Отец Анджело взял с собой Джиованни Казираги, Педро — Меткого Глаза, несколько хорошо воору-

женных миссионеров. Провизию и палатки погрузили на мулов и утром отправились в путь — на родину Жестокого Ягуара, в деревню Роджи.

Двигаясь по берегу Упаны, путешественники часто встречали местных хибаро, вооруженных ружьями. Отец Анджело с удовольствием оглядывал индейцев и пояснял Казираги, что если в семье хибаро есть ружье, то никто уже не голодает, и это заслуга его — отца Анджело. Он, конечно, не сказал молодому миссионеру, что за ружье индеец должен отработать в миссиях все лето, а последующие годы он работает на них за патроны...

В полдень, подбирая место для отдыха, отец Анджело издали увидел на реке рыбаков. На берегу женщины жарили пойманную рыбу. Индейцы пригласили путешественников отведать рыбы. Сделали привал, а мулов пустили пастись.

— Пожалуйста, кушайте, пожалуйста! — угощали рыбаки.

Одна из индианок, недавно крещенная, подавая отцу Анджело рыбину, любезно добавила:

— Падресито, от этой рыбы вы будете хорошо спать: я жарила ее с корнями тимбо.

Отец Анджело с видимым удовольствием принял угощение и пояснил своим спутникам: «Корни тимбо — наркотик. Это лакомство колдунов и вождей на ужин. Рядовым хибаро его не дают». Затем он с аппетитом съел рыбу, лег под деревом и тут же уснул.

А Джиованни Казираги с братьями-миссионерами наблюдали, как индейцы ловят рыбу.

Вождь племени — Ловкий Тапир

Вскоре перед путешественниками выросла горная гряда Кутука. Все реже и реже встречали миссионеры индейцев. Здесь хибаро были вооружены лишь дубинками, луками, сарбаканами и копьями. Ружей у них не было. Заметив путешественников, они отскакивали в сторону от тропы и прятались между деревьями, думая, что идут ненавистные им золотоискатели или солдаты.

На шестой день караван вышел к берегу порожистой реки Вамбизе. Подойдя к броду, Пабло — Жестокий Ягуар предложил отцу Анджело:

— Полежай мне на спину, перенесу.

— Зачем? — удивился миссионер. — На муле перееду.

— Есть ямы. Мул может споткнуться, и упадешь в воду.

Отец Анджело поблагодарил индейца за заботу и вскарабкался ему на спину. Обходя ямы, тот благополучно перенес его через реку. Затем таким же образом индеец перенес и других миссионеров, а потом перевел мулов.

К вечеру путешественники подошли к долине необыкновенной красоты, имеющей форму эллипса. Ее окаймляли ряды хлебных деревьев, на ветвях которых зрели огромные, как большие буханки хлеба, плоды. Росли здесь и кусты, усыпанные красными ягодами, и кофейные деревья. Один из миссионеров потянулся было за ягодами, но Жестокий Ягуар его остановил:

— И не пытайся, увидят воины Ловкого Тапира, проткнут копьем.

— Здесь уже Роджи? — спросил отец Анджело.

— Роджи. В Роджи нет сторожей у каждой гэи, охраняется вся деревня.

— А Ловкий Тапир тебе не родственник?

— Он — мой старший брат. Он ненавидит меня.

Отец Анджело понял, что Жестокий Ягуар боится брата. Воины родной деревни для него страшней лесных хищников.

Вскоре показались первые гэи. Из одной из них выскочил индеец с громко плачущим младенцем под мышкой. За ним с душераздирающими воплями бежала женщина. Оба направлялись к реке. Мужчина первый достиг берега и вошел в воду. Он поднял надрывающегося от крика ребенка и бросил его в реку. Течение подхватило и унесло малыша.

— Лучше бы отдали в миссию, — возмутились монахи. — Убийцы!

— Нет, в миссию бы не отдали, — сказал Жестокий Ягуар. — Ребенок был слабым, болезненным.

Всех слабых младенцев хибаро в нашей деревне топят.

Вдруг засвистели стрелы. Одна из них попала в бок Жестокому Ягуару, вторая — в шею мулу. Тот дико закричал. Жестокий Ягуар лишь сморщился и, направив ружье туда, откуда летели стрелы, спустил курок. Прогремел оглушительный выстрел. Стрельба из лука сразу прекратилась.

— Уйдите из деревни или мы из ваших голов тсансы наделаем! — послышался из-за толстой чионты грозный голос. — И ты, Жестокий Ягуар, убирайся. Тебя первого убьем.

— Мы ваши друзья, — ласковым тоном сказал отец Анджело. — Хотим поговорить с вождем племени. Вот какой подарок мы принесли. Смотрите!

И руководитель миссий дважды выстрелил из двустволки.

— Хорош подарок? А?

Из-за дерева вышел индеец и в знак перемирия воткнул свое копье наконечником в землю. Отец Анджело повесил ружье на шею мула.

— Мы не можем пустить вас в деревню, — сказал воин.

— Почему не можете? Ведь мы — ваши гости.

— Наш вождь сердит на белых. Очень сердит. Приходил сюда белый с крестом, только без волос на лице, — наш вождь убил его.

— Подарок пу-пу! — кричали индейцы из-за деревьев.

— Мы принесли подарки вождю племени. Если Ловкий Тапир их не примет, мы уйдем, — уверял отец Анджело. — И Жестокий Ягуар уйдет. Он у нас ума набирается. Теперь он очень умный.

— Хорошо, — наконец сказал воин. Он махнул рукой, и со всех сторон сбежались вооруженные копьями и луками индейцы. Окружили караван и эскортировали его до самой хижины вождя.

Гэя Ловкого Тапира стояла в самом центре деревни. Дверные отверстия в ней были занавешены сетками из тростника. Навстречу каравану, сердито лая, выскочили лохматые псы.

Когда миссионеры вошли в помещение, вождь лежал на коврике из древесной коры. При виде гостей

быстро поднялся. Отец Анджело окинул его взглядом. Индеец был широкоплечим, мускулистым, с раскосыми глазами. Вокруг бедер обмотан кусок ткани, сотканной из древесных волокон, на голове — таваса из перьев красных попугаев. Ловкий Тапир бросил жадный взгляд на ружье отца Анджело и одним движением сорвал его с плеча миссионера.

— Он выплевывает огонь? А как?

Индеец вертел в руках ружье и случайно нажал на спусковой крючок. Прогремел выстрел. Дробь глубоко врезалась в бревно из чионты. Ловкий Тапир выпучил глаза и чуть не выронил ружье. Потом справился со своим страхом, широко улыбнулся и, похлопав отца Анджело по плечу, сказал:

— Хорошо, хорошо! Да, да!

Он снял со стены искусно вырезанную трубку с длинным и прямым мундштуком и, закулив, передал ее отцу Анджело и миссионерам. Но когда очередь затянуться из трубки дошла до Жестокого Ягуара, вождь забрал трубку, заявив, что брат — его враг. Напрасно отец Анджело пытался помирить их, расхваливая Жестокого Ягуара, говоря, что тот очень умен, будет миссионером, поедет в Куэнку, — вождь явно ничему этому не верил и, казалось, еле сдерживался, чтобы не напасть на брата.

В честь гостей Ловкий Тапир созвал барабанщиков и других музыкантов. У хижины совета на пестрых ковриках появились горшки с дымящимся мясом, фрукты. Пришли члены совета, воины, старики. Пабло — Жестокий Ягуар ни на шаг не отходил от отца Анджело.

Вождь вышел на площадку, поднял ружье над головой и выстрелил. Собравшиеся вокруг хижины совета индейцы от страха бросились на землю. Ловкий Тапир закричал властным голосом:

— Тише, тише! Мы будем праздновать праздник мира! Бейте в барабаны.

Вышли несколько юношей, украшенных цветами лотоса. В руках у них были набитые измельченным табаком трубки. Юноши раздали их присутствующим. Из трубок шел ароматный дым.

Вождь еще раз выстрелил вверх. Прибежали танзоры со стрелами и луками. Сидящие вокруг пло-

щадки индейцы запели песню без слов. Вначале песня звучала тихо, потом все громче. В ритм ей танцевали танцоры. Они изображали свист летящей стрелы, поверженных врагов, и, наконец, затягиваясь трубками,— мир между племенами.

Во время танца к вождю племени один за другим подходили почтенные старики и, указывая на ружье, спрашивали:

— Что это? Что это?

— Добрый дух! Носитель огня,— гордо отвечал Ловкий Тапир.— Он плюется огнем, убивает самого сильного зверя.

— А ягуара убьет?

— И ягуара, и пуму, и тапира.

Отцу Анджели вождь племени сказал, что давно мечтал купить ружье, ездил за ним в Мендес, только белые его обманули. Взяли звериные шкуры, мешочек золотого песка и скрылись. Поэтому, когда в их краях появились два года назад белые, хибаро убили их, а из голов сделали тсансы.

Ловкий Тапир похвастался, что воины его племени хорошо умеют делать яд для стрел из веток стрихны. Все мужчины деревни — воины, они вместе изготавливают луки, стрелы и другое оружие. А женщины выращивают табак, горох, фасоль, кукурузу, измельчают зерно в толкушках и из муки пекут лепешки. Поэтому в период дождей здесь никто не голодает. Ловкий Тапир сказал также, что у него пять жен. Старшая ведет хозяйство, младшая (на которой женился в прошлый период дождей) руководит танцами, а другие — готовят пищу.

Отец Анджели заметил, что вождь здешних хибаро — очень хитрый и изобретательный человек. Правда, он не любит белых, но в этой деревне во что бы то ни стало надо пустить корни — основать подсобную миссионерскую станцию. Епископу эта идея, несомненно, понравится. А если ее удастся осуществить, то можно надеяться и на повышение.

— Примите в свою деревню наших братьев. Мы вас научим выращивать бананы и грейпфруты, а когда заболете — вылечим.

— Наш колдун хорошо лечит! — ответил Ловкий Тапир.

— Мы вам ружья привезем. Намного сильнее станете. За оружие дадите нам земли, поможете построить дома. А вождями быть мы не хотим. Мы только ум раздаем, вере учим. Будем вашими добрыми друзьями.

Ловкий Тапир взглянул на ружье, на членов совета, низко склонивших головы, и промолчал.

Тем временем братья-миссионеры по знаку отца Анджело стали раздавать индейцам побрякушки. Кому зеркальце, кому стеклянные бусы, кому браслет. Хибаро расхватывали подарки и жадными взглядами просили еще и еще.

Получив блестящие бусы, вождь племени наконец сказал:

— Хорошо.

И отдал отцу Анджело трубку мира.

Колдун мстит миссиям

Тем временем на миссионерской станции Макас сестра Иоанна учила индианок оказывать помощь человеку, получившему солнечный удар, что в тропиках случается нередко. Третий год девушек-хибаро готовили к работе санитарок и медицинских сестер: миссии строили больницу. Самых способных намеревались послать в куэнкский монастырь — салезианцы испытывали острую нехватку миссионерок индейского происхождения.

Однажды к сестре Иоанне подошел дежурный брат и сказал, что у ворот ее ждет пожилая индианка. Как только миссионерка подошла к воротам, женщина бросилась к ней:

— Добрая сестрица, спаси мою дочку! Спаси, дорогая! Петушка принесла, — женщина вытащила из корзины красноперого петуха. — Еще прибавлю... Третий день дочка недомогает. Кричит, плачет... Знахарь Бисхай не взялся лечить. Сказал — умрет!

— Надо было сразу прийти! Теперь болезнь осложнилась.

Женщина замолкла, а сестра Иоанна думала: братья лечить или нет? Знахари редко ошибаются. Однако, если больная поправится — это подорвет авторитет и влияние знахаря, и хибаро пойдут в миссии

креститься. «Надо идти к больной», — решила сестра Иоанна. Обычно индейцы редко зовут для оказания помощи больному миссионеров. Поэтому было бы ошибкой не воспользоваться предоставившимся случаем.

— Погоди, — сказала миссионерка и побежала к старшей — матери Хозефине.

Решили отправиться к больной вместе: индианка пришла из далекой деревни, дорога туда была долгой и опасной. Правда, сестре Иоанне и матери Хозефине не впервой было пускаться в такие экспедиции. В 1929 г. им пришлось бороться с эпидемией кори, а в 1930 г. — с тифом. Они лечили хибаро от бери-бери, ангины, малярии. Может быть, одной из этих болезней заболела и дочка индианки?

Миссионерки взяли из аптеки лекарства, несколько шприцев, надели на ноги высокие ботинки и в сопровождении одного вооруженного брата пошли в джунгли. Индианка вела их без тропы, напрямик, продираясь сквозь колючий кустарник. Миссионерки боялись заблудиться, но женщина заверяла, что знает дорогу хорошо. Когда они наконец пришли в деревню, то узнали, что дочь индианки уже умерла. Миссионерки повернули было обратно, но их обступили женщины и умоляли зайти в гэи: больных в деревне оказалось много.

Зайдя в первую гэю, монахини увидели в углу уложенную на солому и укрытую какими-то лохмотьями старуху. Лицо ее даже почернело от жара, а тело было покрыто красной сыпью. Больная умирала.

— Не оспа ли? — сказала мать Хозефина и сама испугалась своего предположения.

Хибаро не делали прививок от оспы, и начавшаяся среди них эпидемия была чревата ужасными последствиями. Тем более, что миссионеры совершенно не были подготовлены к борьбе с этой болезнью. У них не было соответствующих медикаментов, нужного количества медицинского персонала, да и знаний у сестер было недостаточно.

Посетив еще нескольких больных, монахини окончательно убедились, что это — оспа. Перепуганные, они вернулись на миссионерскую станцию. Нужно было срочно предпринять меры для изолирования

миссий. Ведь здесь полно детей. Не дай бог эпидемия начнется среди них!

Мать Хозефина волновалась и сердилась на епископа, у которого она уже несколько раз просила вакцину против оспы, чтобы сделать прививку хотя бы индейцам ближайших к миссиям деревень и детям, живущим в пансионатах.

— Не позаботились, не прислали! А теперь вот такое несчастье...

Потянулись беспокойные дни.

Метисы из городка, приходившие на станцию, рассказывали, что кто-то распускает среди индейцев слухи, будто миссионеры привезли эту страшную болезнь в ящике с порохом. Скорее всего, это были происки колдуна Бисхая. Но перед лицом страшной болезни индейцы, некрещенные и крещенные, поверили выдумке: ведь хибаро падают прямо на дороге, будто пораженные невидимой стрелой, в деревнях не успевают хоронить умерших, а миссионеры остаются здоровыми... Монахини не знали, что делать. Только молились и призывали на помощь бога. Они чувствовали, что хибаро замышляют что-то против миссий, а отец Анджело все еще не возвращался.

И вот однажды ночью мать Хозефина услышала сквозь сон какой-то треск. Проснувшись, подняла голову и увидела за окном огонь. Перепугавшись, она закричала: «Горим!» Накинув на себя одежду, монахиня схватила колокольчик и стала звонить сколько было сил. Вскочили другие монахини, во двор выбежали братья. Один из них поднялся на колокольню и стал звонить в большой колокол. Учителя будили своих воспитанников. Монахи пытались спасти хоть что-то, но огонь распространялся слишком быстро. Языки пламени поднимались до вершин самых высоких пальм. Первой рухнула церковь, потом центральные здания, школы, жилые помещения, строящаяся больница. Сгорели аптека со всеми лекарствами, склад, кухня и прачечная. Когда наступило утро, от большой миссионерской станции осталась лишь груда серого пепла.

Духовная беседа

Эвакуация миссий

Через неделю после пожара вернулся отец Анджело и, не видя другого выхода из создавшегося положения, приказал миссионерам срочно собираться в дорогу — медлить было нельзя. Эпидемия продолжала набирать силу, и индейцы, подстрекаемые против миссионеров колдуном и вождем, могли в любой момент напасть на палаточный городок монахов. Тем более, что у последних почти не осталось оружия. Ведь склад сгорел. Благо еще, что из Куэнки возвратился де ла Фуэнте, который привез с собой несколько ружей и немного патронов. О том, чтобы получить обратно ружья, отданные в залог вождю племени, нечего было и мечтать.

По ночам вокруг палаток скользили подозрительные тени. Они исчезали лишь тогда, когда сторож делал несколько выстрелов в воздух.

Медлить с эвакуацией стало просто опасно.

Отец Анджело оставил воспитанников пансионатов миссий на попечение жителей городка, поручил заботу о плантациях совету прихожан, и однажды вечером, когда городок уснул, миссионеры двинулись в путь. Они решили поселиться временно на другой, дальней миссионерской станции. Отец Анджело и мать Хозефина ехали на лошадях, другие миссионеры взяли мулов, но последних для всех не хватило, и некоторым монахам пришлось идти пешком.

Никому не хотелось покидать обжитые места. Многие обвиняли в своих бедах индейцев, поддав-

шихся на провокацию колдуна. Только Альфас Юкнюс оправдывал хибаро. Миссии должны лучше им помогать. Ведь сколько жертвований собирают верующие в Европе и на других континентах в пользу миссий! Где же они, эти средства? На станцию в Макас они попадали только в виде книг и письменных принадлежностей. Хибаро от этого пользы было мало. И разве не грешно за дешевые безделушки и за лекарства выманивать у индейцев золото, как это часто делали миссионеры? За что же хибаро должны любить и уважать их?

Когда караван повернул к реке, внимание Юкнюса привлекла небольшая живописная группа: навьюченная большими ящиками лама, которую держал за повод одетый в пончо метис; рядом стояли беременная женщина и двое маленьких ребятшек. Юкнюс вспомнил, что часто видел этого метиса в миссиях.

Как только метис увидел миссионеров, он подбежал к отцу Анджело и, осеняя себя крестным знамением, заговорил:

— Отец, я истинный католик, а вы оставляете незащищенной мою семью. Хибаро меня убьют, наверняка убьют. А мы жить хотим, очень хотим!

— За что им убивать тебя? Ты зря боишься! — одернул его отец Анджело. — В городке немало метисов-католиков. Всех их оставляем на милость божью. Взять их с собой не можем. Это опасно. У них, как и у индейцев, нет противооспенных прививок. В любое время могут заболеть и заразить других, даже миссионеров, хотя мы и с прививками. Оставайся! Гнев хибаро уляжется, и будешь счастливо жить с семьей в собственном доме.

— Но, отец мой, поймите, я же с миссионерами за порохом к «чертову мосту» ходил. С меня первого индейцы снимут голову и будут праздновать победу. Неужто вы не знаете этих дикарей? Их месть еще не кончилась.

— Что правда, то правда, — признался отец Анджело. — Поэтому мы и уходим. Так и быть, иди с нами, только на расстоянии и целый месяц не приближайся к нам. Возможно, ты и твоя семья носите в одежде микробы оспы. Понимаешь?

— Понимаю, отец,— кивнул головой метис, обрадовавшись, что получил возможность уйти из опасного места.

Первый день пути

Вскоре городок кончился, с левой стороны зашумела река.

Вдруг отец Анджело остановил своего коня: он услышал какой-то плеск на реке. Не гонятся ли за ними на лодках индейцы? Брат-эконом подполз к самому берегу. На этот раз тревога была ложной: в реке купались два тапира.

Приближалось утро. Миссионеры еще не вышли за пределы бывшего района их деятельности и, следовательно, в любой момент могли встретить знакомых хибаро, от которых теперь не приходилось ждать ничего хорошего. Бегство миссионеров индейцы бы посчитали подтверждением их виновности в распространении эпидемии оспы. И уж кому-кому, а руководителям миссий — отцу Анджело и матери Хозефине — не поздоровилось бы.

Самое лучшее — переправиться через Упану. На том берегу индейцев было гораздо меньше. Может быть, там и оспа не свирепствует? Но как переправиться через быструю реку, если вода в ней кипит, как в котле?

Когда рассвело, отец Анджело нашел на реке наиболее узкое место, где деревья склонились к самой воде и так переплелись, что образовали своеобразный мост.

Отец Анджело решил переправить животных бродом, а людей — по этому созданному природой мосту.

Выстроив мулов цепочкой, миссионеры связали их толстой веревкой, чтобы они не разбрелись и не потонули во время переправы. Один конец веревки взял в руки отец Анджело и, уговаривая своего коня, направил его в реку. Гнедая, фыркая, осторожно шла по пенящейся и шумящей воде, а следом за ней шли мулы. Сначала вода доходила им до живота, потом из воды торчали только поднятые головы, а безжало-

стная веревка все тащила и тащила животных к середине реки. Небольшое расстояние до противоположного берега им пришлось даже преодолевать вплавь, но все закончилось благополучно, и мулы, встряхиваясь, вышли из воды.

Сейчас же после них переправилась на своей лошади мать Хозефина.

С противоположного берега оба руководителя миссий стали наблюдать, как остальные переходят реку по ветвям деревьев. Такой «мост» не был для миссионеров в новинку, и они один за другим, выбирая ветки покрепче, приближались к другому берегу Упаны.

Успешно завершив переправу, миссионеры прошли еще добрый кусок пути и, почувствовав себя наконец в некоторой безопасности, остановились для отдыха. Вдруг брат-эконом схватился за голову и в ужасе закричал: «О, боже!» — и рухнул на землю. Когда к нему подбежала мать Хозефина, он корчился в конвульсиях. Лицо почернело, перекосилось, глаза выпучились, пульс был очень слабым.

— Кобра! — горестно сказала миссионерка.

И все стали оглядываться вокруг — нет ли еще змей. Но увидели только зарево над Упаной. Забыв про несчастного, все смотрели на отца Анджело, как бы спрашивая его, что бы это могло быть. Но тот молчал. Спустя некоторое время он вздохнул и сказал:

— Скорее всего, индейцы подожгли город.

Все замерли.

Несчастный эконом был в агонии, и вскоре сердце его остановилось. Монахи быстро вырыли яму и похоронили его без всякого обряда. Никто даже нескольких слов не произнес над его могилой.

«Литва в джунглях»

Два дня миссионеры шли без отдыха. Постепенно страх перед преследованием или нападением индейцев отступил, и они решили снова остановиться для отдыха. Почувствовав себя в безопасности, монахи

В поход за новыми «душами».

рассыпались по джунглям. Вскоре из кустарника послышался голос Альфаса Юкнюса:

— Эй, друзья, я в джунглях свою Литву нашел!

Симонетти заинтересовало сообщение Юкнюса, и он побежал к нему. Инспектор нашел бывшего учителя среди кустов, напоминавших орешник. И плоды были очень похожи на орехи.

— В Литве есть река Нямунас,— задумчиво сказал Юкнюс.— На ее берегах растет вот почти такой же орешник, а сколько на нем орехов! Мешки люди на зиму набирают. Там неподалеку мои родные места... Восемь лет в Литве не был!.. Давайте нарвем орехов. Они должны быть вкусные. Видите, уже пожелтели.

Они набили карманы «орехами» и вернулись к своим. Юкнюс угостил всех и сам первый попробовал раскусить «орех». В середине его оказалась черная как смола масса.

— Это не орехи,— огорчился Юкнюс,— а ведь так похожи!

Отец Анджело с улыбкой объяснил:

— Конечно, это не европейские орехи. Индейцы употребляют черную массу, находящуюся внутри найденных вами плодов, для окраски зубов. Она имеет и лечебные свойства — предохраняет зубы от порчи. Индейцы раскрашивают также этим естественным красителем лицо и грудь.

Караван двинулся дальше. Кустарник стал еще гуще. Люди с трудом прокладывали себе дорогу в этих тропических зарослях. Вдруг сзади послышался лай, и монахи увидели бегущую к ним коричневую лохматую собаку.

— Наша Дримба! — воскликнул де ла Фуэнте.

— В самом деле Дримба,— удивился и отец Анджело.— Мы же отдали его одному метису и привязали у него во дворе крепкой цепью. Как собака могла здесь очутиться?

В глубине джунглей кто-то свистнул. Собака приостановилась и оглянулась. После второго свистка она кинулась назад.

— Неужели хибаро решили нас преследовать и украли у метиса нашу собаку? — высказал предположение Казираги.— В таком случае нужно подго-

товиться к схватке. Не отдавать же им наши головы без боя!

Положение было неприятным. Никто не знал, что делать. Даже отец Анджело растерялся. Прятаться куда-либо бесполезно: с помощью собаки индейцы все равно их обнаружат. Остается только ждать и молиться. В это время на тропинке появился Пабло — Жестокий Ягуар. Грязный, в рваной одежде. Он махал рукой и что-то кричал. Отец Анджело облегченно вздохнул и приказал ему близко к отряду не подходить. Индеец остановился, но продолжал кричать:

— Кушать дайте! Дайте поесть!

Сестра Иоанна взяла еду и пошла навстречу Пабло. На расстоянии нескольких шагов от индейца она остановилась, поставила еду на землю и спросила, что ему нужно. Зачем он пошел за ними?

— Я еще не совсем ума набрался,— кричал Жестокий Ягуар.— Я пойду с вами на другую миссионерскую станцию. Да, да!

— Но ты можешь заразить нас оспой!

— Вы меня тоже можете заразить, но я не боюсь и в Макас не вернусь. Соколиный Глаз мне не друг. Я не верю, что вы заразили хибаро этой болезнью, а он верит. Он сжег избу метиса, который ушел с вами, когда его не нашел. Да, да!

Уговорить Пабло — Жестокого Ягуара вернуться назад или уйти в свою родную деревню Роджи не удалось. Отец Анджело приказал ему присоединиться к семье метиса, и караван двинулся дальше.

В полдень миссионеры слышали где-то невдалеке шум воды и вскоре увидели речку. В ее изгибе на горке стояла деревянная церквушка, окруженная несколькими постройками. Чуть в стороне была видна спортивная площадка. Вокруг простирались огромные плантации.

— Это миссионерская станция Сукуа,— сказал отец Анджело.— Ею уже долгие годы руководит отец Иоганн Штамм. Вы ждите у реки, а я поеду договорюсь с ним, чтобы хоть на время нас приютили.

С этими словами он пришпорил коня и ускакал в городок.

Нежданные гости

В это время начальник миссионерской станции Сукуа отец Иоганн Штамм, накрыв лицо марлей, сладко спал и снилась ему родная Германия и чистенький городок на Рейне, где он служил первую обедню. Снилось ему, что страшный ураган сносит его церквушку и сам он еле удерживается на ногах. Просыпаясь, он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо.

— Отец, вставайте, — у его кровати стоял брат-привратник. — Гости приехали. Вставайте.

— Отец, вставайте! — передразнил монаха большой желтый попугай, сидевший в углу на жердочке.

— Вставайте, отец!

— Нечистая тебя принесла, — сердито проворчал отец Иоганн. — Только глаза сомкнул.

— Приехал отец Анджело Виний!

— О! — вскочил старый миссионер и схватил халат. — Хоть раз господь его прислал. Скорее веди его сюда.

— Но он не один.

— А кто с ним? Мать Хозефина? — расплылся в улыбке отец Иоганн.

— Все миссионеры Макас!

— Несчастье?

— Оспа!

— Санта-Мария! Гони всех со станции. Гони скорей! Какое несчастье! Оспа! Санта-Мария!

— Отец Анджело один во дворе, на коне.

— Передай ему, пусть едут за реку и сделают там загон для своих животных, а сами поселятся в домике сторожа. Там есть поле маниоки. Пусть копают ее и едят. Отцу Анджело и матери Хозефине истопите баню. Пусть хорошенько помоются и протрутся спиртом. Дайте им новую одежду, а старую пусть сожгут в бане. Только после этого могут прийти на станцию. Санта-Мария! Какое несчастье!.. И надо же было им всем на нашу станцию припечься!

— Их станцию хибаро сожгли, — пояснил привратник.

— Хибаро? Месть? Выставьте хорошо вооруженную охрану. Не подпускайте близко индейцев. Санта-Мария!

Отец Иоганн Штамм встал на колени и начал горячо молиться: «Боже, отведи от нас оспу! Спаси нас, господи!» Но до того был расстроен, что не мог сосредоточиться на молитве. «И чего они сюда приехали? Теперь хлопот с ними не оберешься», — сверлила его мозг трусливая мысль.

А привратник, не сходя с порога дома, пересказал отцу Анджело условия отца Иоганна. Тот повернул коня и ускакал к своим сказать, чтобы все шли за реку, где некоторое время придется побыть в карантине.

Река была широкая, но не очень глубокая, с пологими берегами. Местами из воды выглядывали камни. Переправиться через нее не составляло труда. Караван перешел реку. Все свое имущество миссионеры внесли в домик сторожа. После небольшого отдыха отец Анджело созвал всех, чтобы проститься.

— Мы с матерью Хозефиной отсюда уходим. Увидимся ли еще — не знаю, — немного волнуясь, сказал отец Анджело. — Господь послал нам тяжкое испытание! Такова его воля! Вам придется прожить в этом домике с полгода, пока не кончится карантинный срок. Здесь рядом поле маниоки. Копайте ее и питайтесь. Кое-что вам будут доставлять со станции. Старшим назначаю де ла Фуэнте.

Отец Анджело взял с собой только ящичек с золотом. Небольшую шкатулочку прихватила и мать Хозефина. Вместе они перешли реку и направились к бане, расположенной в тени деревьев на территории миссионерской станции.

После ухода начальства все посмотрели на де ла Фуэнте, ожидая его распоряжений. Де ла Фуэнте предложил прежде всего хорошенько прокурить домик сторожа, чтобы изгнать оттуда ядовитых насекомых. Миссионеры побежали в лес за сухими ветками для костра.

Чуть подальше стала сооружать себе пристанище семья метиса с Пабло — Жестокий Ягуаром.

Землетрясение

В домике сторожа миссионерам приходилось нелегко. Помещение маленькое, да его еще надо было перегородить надвое, отделив мужчин от женщин. Пищу готовили на костре. Пока стояла хорошая погода, можно было терпеть. Но вскоре наступил период дождей. Дождь лил несколько дней подряд. Вода просачивалась сквозь крышу из банановых листьев и заливала дом. Стало не только сыро, но и прохладно. Люди мерзли. Всех охватило уныние и тоска по родине. Многие, наверное, в душе ругали себя за то, что приехали в эти проклятые джунгли. Разве не могли они славить господа у себя на родине? От сырости и укусов moskitov у миссионеров стали опухать пальцы ног и рук. У некоторых появились язвы, а медикаментов они получали со станции очень мало.

Назначенный старшим де ла Фуэнте оказался совершенно неспособным предпринять что-либо для общего блага. Завернувшись в одеяло, он день и ночь лежал на нарах, охваченный депрессией. Но однажды утром чрезвычайное происшествие расшевелило и его.

Чуть свет миссионеры слышали, что в загоне стали метаться мулы. Вдруг где-то из-под земли послышались глухие удары. Земля задрожала, и все лежащие на верхних нарах моментально очутились внизу. После второго толчка домик сполз с фундамента и стал заваливаться набок. В глиняном полу появились глубокие трещины.

— Конец света! — хватаясь за пол и не в силах подняться, шептал де ла Фуэнте. — Господи, спаси нас!

Другие миссионеры тоже не сразу поняли, что случилось. Одни испуганно молились, другие хотели было бежать на станцию, но увидели, что и там дома рухнули, как срубленные под корень деревья.

Землетрясение закончилось, но ужас не покидал миссионеров. Они не знали, что делать дальше, чего ждать. Покинуть свой «изолятор» они не могли. Опасность заболевания кого-нибудь из них оспой еще

не миновала. Помощи оставалось ждать только от бога, но тот почему-то не спешил оказать ее своим слугам.

Через полгода

Наконец через полгода к домику миссионеров, кое-как восстановленному после землетрясения, подошел монах со станции и, стоя на расстоянии, спросил:

— Никто у вас в лагере не заболел?

— Нет, — хором ответили миссионеры.

— Это хорошо. Карантин кончился. Идите в баню, хорошо вымойтесь. После соберитесь во дворе станции.

— Слава богу! Услышал господь наши молитвы! — радовались миссионеры.

Альфас Юкньюс спросил у монаха:

— Наш индеец и семья метиса тоже могут оставить свою хижину?

— Ваш индеец погиб, — ответил тот.

— Как погиб? Ведь два дня назад мы видели его здесь, неподалеку вместе с метисом.

— В последнее время хибаро частенько приходил в горсдок. Видимо, карантин показался ему слишком длинным. Везде лазил. Вчера зашел на золотомойку, которая принадлежит отцу Иоганну и господину Эрнесту Штрумме. Штрумме узнал, что индеец из тех мест, где свирепствует эпидемия оспы, и застрелил его. Не сам, конечно. Натравил на него серингеров¹, а потом выкупил их из тюрьмы.

— Мы готовили его в монастырь, он был бы миссионером! Убили, проклятые! — возмущался Казираги.

— Жаль Жестокого Ягуара, умный и смелый был... Сколько людей здесь гибнет понапрасну! — огорченно сказал Альфас Юкньюс.

— Ты что хочешь сказать, что в этом повинны миссионеры? — вскочил Казираги. — От оспы все за-

¹ Серингеры — собиратели каучука.

щищаются как могут. А господин Штрумме должен быть привлечен к ответственности. Ведь он мог поставить в известность де ла Фуэнте или отца Иоганна, что индеец один бродит по городу.

— Отец Иоганн знал о намерениях господина Штрумме. Этот хибаро хотел пробраться в школу: учиться, говорил, хочу. А если бы кого заразил? — сказал посыльный из станции.

Миссионеры умолкли...

В это время начальник миссионерской станции Сукуа отец Иоганн разыскал в шкафу латунный крест, долгое время лежавший там без применения, вытащил сутану, оделся, причесал седоватую бороду и хотел было встретить по всем правилам миссионеров Макас, но вдруг остановился. «Санта-Мария, ведь они вырвались из эпидемии. Карантин кончился, но кто его знает... Береженого, как говорится, и бог бережет... Вот свалились на мою голову!» — И решил поприветствовать прибывших с балкона. Выйдя на балкон, он увидел, что во дворе миссии уже ждали его появления отменно вымытые и переодетые в чистую одежду миссионеры из Макас.

— Добро пожаловать, братья, — торжественно произнес отец Иоганн.

— Здравствуйте, отец, — ответили те хором. — Спасибо за гостеприимство.

— Поживете у нас до прибытия его преосвященства господина епископа, поможете нам дома отстроить. Поселитесь в палатках, для вас помещения у нас нет. Благодарите бога, что живы остались. Аминь.

Торговля в церкви

Итак, «гостей» поселили в палатках, поставили для них во дворе печку. Ежедневно после обедни они отбирали доски, ставили каркасы. Возили на ламах камни для новых зданий. По вечерам по двое, по трое шли гулять по городку. Только Альфас Юкнjos не любил компаний. Он подолгу бродил в одиночестве по выжженным солнцем улочкам, рассматривая маленькие домики с круглыми глиняными печами

во дворах и их обитателей. Белых здесь было больше, чем метисов.

Однажды, возвращаясь с прогулки, Альфас Юкнюс заметил, что в церковь вошел метис с какой-то шкурой в руках, а за ним — индеец. Миссионер заинтересовался: «Что им там нужно, ведь по вечерам службы не бывает?» — и тоже вошел в церковь. Спрятавшись за деревянную ребристую колонну, Юкнюс стал наблюдать, что же происходит в божьем доме.

У алтаря стоял начальник миссионерской станции отец Иоганн. Правда, сначала Юкнюс усомнился, он ли это, ибо человек, стоявший у алтаря, был одет не в сутану, а в белый халат. Но раздвоенная борода и лысина на макушке не оставляли сомнений: это все-таки отец Иоганн.

«Что он делает в церкви в это время?» — еще больше заинтересовался Юкнюс, которому было известно, что начальник станции редко бывает в храме божьем, пропускает службы и не всегда даже служит обязательную для каждого священника обедню.

В это время брат-звонарь принес и поставил на алтарь несколько коробок со стекляшками, приволок мешок с солью, кипу хлопчатобумажных покрывал и стеклянную коробку с лекарствами.

«Смотри-ка, как щедро отец Иоганн такие подарки раздает прихожанам», — удивился Юкнюс.

В церковь вбежал полуголый индеец. Подскочив к отцу Иоганну, перекинул ему через плечо шкуру какого-то редкого зверя. Потом пальцем указал на свой живот и голову. Это означало, видимо, что нужно лекарство от головной боли и от болей в желудке. Однако отец Иоганн снял шкуру с плеча и вернул индейцу.

— Лекарства вымениваются на золотой песок, — сказал он. — Лекарство — здоровье. Дешево хочешь купить.

Индеец повертел шкуру зверя, как бы доказывая миссионеру, что это не такая уж дешевая вещь. Потом махнул рукой кому-то, стоящему у дверей церкви. Появилась женщина, вероятно его жена, со шкурой ягуара в руках. Она отдала шкуру мужу и спряталась за его спину, боязливо оглядываясь, готовая каждую минуту убежать из церкви.

Отец Иоганн взял шкуру ягуара, тщательно ее осмотрел и только тогда положил рядом с собой. Доставая лекарство из аптечки, он сказал:

— Это аспирин. От головной боли,— и ткнул пальцем индейцу в лоб.— А здесь — от живота. Сода. Хорошо срыгнешь и боль как рукой снимет. Видно, слишком много мяса ешь, да еще сырого. Меньше ешь! Понимаешь? Меньше! А за хорошую шкуру еще иконку добавлю. Носи ее во славу господа бога.

Индеец взял лекарство, лизнул его, понюхал. Иконку бросил на алтарь и ткнул пальцем в стеклянную серьгу. Отец Иоганн взял иконку, одел на шнурок и повесил жене индейца на шею. Мужчине же дал стеклянные серьги. Тот сразу их вдел в уши и широко улыбнулся.

В церковь вошли еще индейцы. Некоторые из них были в тавасах, головных уборах из перьев попугая. Одни из них принесли шкуры, другие — золотой песок. Большинство пришло за лекарствами, но некоторые просили пороха и дроби. Соль и покрывала мало привлекали индейцев. Эти вещи покупали метисы и мулаты и платили за них сукре. При этом они долго и сердито торговались.

За несколько часов обмена на алтаре выросла целая гора звериных шкур, а круглая шкатулка до краев наполнилась золотом. Глаза отца Иоганна сияли от счастья.

«Торговля и мошенничество в божьем доме! Это же святотатство! — ужаснулся Юкньюс. — Чтобы дойти до такого, нужно же совсем в бога не верить!» И он вышел из церкви.

Миссионер на золотомойке

Перед вступлением в брак по христианскому обряду молодые индейцы должны были в течение месяца проходить подготовку в миссиях. Кроме зубрежки катехизиса шестнадцатилетние индианки под руководством сестер-миссионерок учились варить суп и жарить мясо. За это они должны были из древесных волокон и лиан ткать дорожки, плести красивые корзины. Юношей, которые были постарше девушек,

миссионеры учили лепить из глины печи, чтобы в период дождей можно было обогреть гэю. По воскресеньям миссионеры организовывали соревнования по стрельбе, которые очень привлекали юношей хибаро. Работали индейцы и на плантациях, помогали строить новые дома. Некоторых посылали подменить рабочих на золотомойке. Чтобы они не разбежались — а это случалось, — их сопровождал надсмотрщик из миссионеров.

Однажды случилось так, что надсмотрщик заболел и его обязанности были поручены Юкнюсу. Миссионер из Литвы был рад, что после долгого перерыва ему снова позволили работать среди индейцев. Ему нравились эти полунагие, подвижные и робкие юноши. Он беседовал с ними, утешал нетерпеливых, что после бракосочетания в церкви они еще смогут отпраздновать свою свадьбу в гэе. Обещал прийти к ним на свадьбу, если еще будет на станции Сукуа.

Как-то раз, проводив индейцев на золотомойку, огороженную высоким забором из досок, юноша удивился, увидев там отца Иоганна в белом костюме и с кожаной плеткой в руках. В этот день Юкнюс наблюдал, как руководитель миссий распоряжается здесь, полосуя плетью рабочих прииска.

Как-то Юкнюс разговорился с закончившим работу мулатом:

— Сколько платят здесь за работу индейцам? Ведь мы водим их сюда целыми группами.

— А вы у отца Иоганна спросите! Что, неудобно? — ухмыльнулся мулат. — За целый месяц работы хибаро получает дешевенький костюм на свадьбу, а денег ему вообще не платят.

— Почему же они не требуют больше? Ведь работа здесь нелегкая.

— Хоть эта золотомойка и принадлежит двум хозяевам — Штрумме и отцу Иоганну, но действуют они согласованно: ни тот, ни другой не хотят повышать плату рабочим. Правда, появился было конкурент их сообществу, некий протестантский миссионер. Он открыл золотомойку в другом месте и стал побольше платить индейцам. Но его прииск сожгли.

— Кто? Почему? — заинтересовался Юкнюс.

— Кто? Отец Иоганн. И не только строящуюся

золотомойку, но и миссию! Не выдержал протестантский миссионер, куда-то уехал. Здесь отца Иоганна все боятся больше мора. Лучше не пытайся жаловаться! Его руки и тебя достанут. Ты еще молод, так будь осторожным.

С этими словами он поспешно отошел от молодого монаха, будто убегал от кого-то. Оказалось, приближался отец Иоганн. Проходя мимо Юкнюса, он пронзительно посмотрел на него и сказал словами евангелия:

— «*Vos amici mei estis, si faceritis, quae ego praecipio vobis*»¹.

Юкнюс должен был с поклоном произнести в ответ: «*Promitto*»², но промолчал. Видно, отцу Иоганну это не понравилось, так как он раздраженно набил в ноздри нюхательного табаку и стал ожесточенно чихать.

На следующий день Юкнюса поставили на другую работу — таскать камни для стройки.

Встреча епископа

Разрушенные во время землетрясения дома были восстановлены. Их надо было освятить. Стоял май. Период жары подходил к концу. Вскоре должны были начаться ливни. Миссионерская станция Сукуа получила известие, что в ближайшее время миссиям нанесет визит епископ.

Началась напряженная подготовка к встрече высокого гостя.

Строительная группа Казираги строила «триумфальные» ворота. Сестры-миссионерки с индианками плели гирлянды, а потом обвинили ими и ворота и двери церкви. На воротах прибили красное полотно с надписью: «*Ecce sacerdos magnus*»³.

В день приезда епископа у ворот с самого утра строился «почетный караул» из миссионеров и духовой оркестр. Перед воротами стоял столик, на нем де-

¹ «Вы будете моими друзьями, если будете делать, что я прикажу» (лат.).

² «Обязуюсь» (лат.).

³ «Это великий священник!» (лат.).

ревянная тарелка с кусочками маниоки и солью. Оркестр заиграл марш, и со всех сторон стали сбегаться белые, метисы и индейцы. Хибаро были в праздничных таякунчах, вожди племен — в тавасах из перьев. В руках они держали копья, луки, ружья. Многие хибаро были одеты в свадебные костюмы, полученные от миссионеров. Даже корзины, в которых индейцы принесли фрукты и жареное мясо, были разукрашены разноцветными перьями. Такими же перьями были украшены и куски тканей, которыми индейские женщины привязывали к своим спинам младенцев.

Когда высланные вперед на конях братья-миссионеры сообщили, что епископ уже близко, к воротам подошел отец Иоганн. Он был в праздничном золототканом облачении. За ним шла свита из монахов, также в праздничных одеяниях. Хибаро, одетые в белые камжи, несли на высоких палках фонари из цветного стекла. Ученики школы в пестрых костюмчиках затянули церковные гимны.

Конная охрана выстроилась до самой реки. Несколько всадников поскакали навстречу епископу.

И вот вдали показалось облачко пыли. Вскоре стали видны всадники на мулах — это ехал епископ со своей свитой. Выехавшие навстречу епископу всадники трижды выстрелили в воздух из ружей.

Подъехав к воротам, епископ слез с мула. Это был седой, с продолговатым лицом, рослый мужчина. Он сбросил плащ и передал его подручным, которые кинулись облачать его в праздничное одеяние, а на голову надели высокую шапку — тиару. Кто-то из свиты подал ему епископский посох — длинную позолоченную палку с загнутым концом. Под звон колоколов и колокольчиков епископ направился в сторону церкви к обедне, а после обедни произнес на языке хибаро проповедь, обвенчал несколько индейских пар, одарил их стеклянными серьгами и бусами. Вождям племен за прекрасную встречу вручил по ружью.

После службы на спортивной площадке начался организованный миссионерами футбольный матч. В нем принимали участие рабочие прииска и несколько индейцев. Хибаро футбол очень нравился.

В поисках новых форм миссионерской деятельности.
На миссионерской станции Сува идет футбольный матч.
Ведь индейцы так любят футбол!

Они подзадоривали своих, чтобы те не сдавались. После игры, усевшись на траве, индейцы ели принесенную с собой пищу, завистливо осматривали подаренные епископом вождям ружья и удивлялись, откуда епископ берет деньги, что может купить столько ружей и так щедро раздавать их. Ведь чтобы приобрести ружье, хибаро приходится работать на золотомойке несколько лет.

— Наверное, много золотомоек у епископа? — спрашивали Юкнуса молодые хибаро. — Или земли у него много?

— Ничего у него нет, — ответил миссионер.

Индейцы удивились.

— Кто же тогда дарит ему ружья?

— Вы!

Хибаро ничего не поняли. И Юкнусу довольно долго пришлось объяснять им свою мысль.

— Вы работаете на плантациях миссий. Часть урожая идет в Куэнку — епископу. Работаете на золотомойке — половина золота уходит в миссионерский центр — тоже епископу. Так за чьи же деньги епископ сегодня раздавал ружья? Не за ваши?

— Мы больше не будем работать! — возмущенно заявили хибаро.

— Но если вы захотите приобрести охотничье ружье или другую вещь, куда вы пойдете? В церковь! К отцу Иоганну.

Хибаро пожимали плечами, а Альфас Юкнjos чувствовал удовлетворение, что хоть раз решился сказать индейцам правду. Узы монашеского обета, привычка к послушанию до сих пор стесняли его. Но помпезность сегодняшней встречи епископа на фоне нищенского существования индейцев, лицемерная и показная щедрость «его преосвященства» возмутили и окончательно вывели из себя молодого монаха. Приближалась духовная беседа с епископом. Как поступить? Лицемерить дальше или откровенно, без недомолвок открыть духовному отцу свои мысли?

Повышение отца Иоганна

После исповедования миссионеров и трогательной проповеди, в которой прославлялся их «тяжкий труд», епископ созвал всех на совещание.

— Миссионерские станции не выполняют свои основные задачи, — подчеркнул епископ. — Очень слабо осуществляются указания, содержащиеся в папских энцикликах. Ведь «*Rerum ecclesiae*» Пия XI, «*Rerum novarum*» Льва XIII и «*Maximum illud*»¹ Бенедикта XV — это великая хартия в истории миссий. Миссионеры должны прийти к язычникам, построить им церковь, научить их христианской вере, подготовить местное духовенство. А мы? Эта проблема решается в Эквадоре со времен иезуитов, но решена ли она? Нет! Ужасно! Дольше так продолжаться не может. Подготовленные миссиями Макас катехеты являются, по существу, полудикарями. Слабо знают испанский, не поддаются воспитанию, а часть их сбежала из семинарии! Значит, учителя и руководители станции Макас не выполнили энциклики папы Пия XI «*Rerum ecclesiae*». Как только

¹ Перечисляются энциклики римских пап, касающиеся совершенствования миссионерской деятельности.

эпидемия оспы в тех местах кончится, на станцию Макас будут посланы новые миссионеры. Бывшие миссионеры Макас через неделю отправятся в Роджи и там организуют новую миссионерскую станцию.

— А отец Анджело Виний с матерью Хозефиной тоже поедут туда? — спросил один из миссионеров.

— Они... — промямлил епископ, — находятся на лечении. В санатории. В Бразилии.

«Спелись!» — со злой усмешкой подумал Юкнюз. Видно, эта усмешка не осталась незамеченной епископом, потому что он испытующе взглянул на Юкнюза и добавил:

— Миссионер Альфас Юкнюз, зайди ко мне завтра для духовной беседы. Вот так. Какие еще вопросы? Или жалобы? Никто из вас не жаловался мне письменно на отца Иоганна?

Воцарилась мертвая тишина.

— Знайте, братья во Христе, что отец Иоганн — старый салезианский миссионер. Как говорится, прошел огонь и воду, но перед всеми бурями выстоял как самое крепкое здешнее дерево — чионта. Он умеет согласовать духовную пользу с материальной как настоящий хозяин миссии. За большие заслуги перед церковью он назначается каноником. Да благословит его и его святые дела господь бог, во веки веков!

— Аминь, — хором ответили собравшиеся.

«Какая несправедливость, — мысленно возмутился Юкнюз. — Но что скажет епископ во время духовной беседы. Надо сосредоточиться. Все хорошо обдумать, решить».

И Альфас Юкнюз первым вышел из церкви.

Духовная беседа

Еще с отцом Анджело Альфас Юкнюз хотел поговорить откровенно, разобраться в своих сомнениях, но, опасаясь быть неправильно понятым, так и не решился постучаться в комнату руководителя миссий.

Теперь Альфас Юкнюз с нетерпением ждал духовной беседы с епископом. Не так он представлял себе работу миссий и их цели. Нынешнее миссионерское

начальство постоянно проповедует, что святая обязанность миссионера побольше молиться, но молитвы, обедни и другие богослужения не только сокращаются, но часто и вовсе не служатся отцами-миссионерами. Руководителя миссии Макаса отца Анджело чаще можно было встретить в джунглях на охоте, нежели в церкви за молитвой.

Богатство, женщины... Ведь за одно ружье отец Анджело купил у хибаро не только невесту, но и участок ее первого мужа, а саму вдову часто приглашал в свою комнату. И не ее одну. А отец Иоганн гораздо чаще бывает на золотомойке, чем на миссионерской станции.

Богатство, только богатство их интересует. Из-за него они не видят ни миссий, ни бога. Где уж тут думать о просвещении индейцев! Верят ли отцы-миссионеры в то, что проповедуют?

Всю ночь Альфас Юкнюз не спал, готовился к духовной беседе. На рассвете он постучался в комнату епископа. Преклонил колени, поцеловал его перстень и поднялся с опущенными глазами.

— «*Beati humiles, eorum est regnum coelorum*»¹, — с улыбкой привычно начал епископ.

Юкнюз сосредоточился, чтобы не выдать своих смятенных чувств. Не поднимая глаз, немного волнуясь, он произнес:

— Я пришел с большой просьбой, отец мой.

— С просьбой? — заинтересовался епископ. — Может быть, хочешь вернуться в Макас?

— Нет, ни в коем случае!

— Может, в Куэнку хочешь? Нет? Я знаю, ты старался, действительно старался учить хибаро. Так о чем ты просишь?

— Я не хочу оставаться в Эквадоре, ваше преосвященство. Прошу отпустить меня домой, в Литву. Не нравится мне работа в миссиях. Не такие просветители нужны индейцам.

— Вот как, — задумчиво произнес епископ. — Я слышал, что ты индейцам всякую ерунду рассказываешь. Подобаает ли это миссионеру? Все-таки хочу

¹ «Да будет благословенны смиренные, их ждет царство небесное» (лат.).

надеяться, что ты передумаешь. Ты ведь способный. Оставайся в Южной Америке! Разрешу поехать на курорты Бразилии или Чили, отдохнешь. В духовной академии учиться будешь. Ученым мужем станешь.

— Я решил — хочу на родину.

— Но знай, *mió saго*¹, святой отец тебе отпущения не даст. Я ему все напишу. Ты распространял среди язычников еретические мысли! Если надумаешь бежать из миссий, будешь объявлен еретиком. Чего ты добьешься? У себя на родине даже паспорта не получишь. Подумай хорошенько.

Альфас Юкнюс хорошо знал, что если он покинет миссию и уйдет из ордена салезианцев, то в Литве его ждут большие неприятности: родители будут огорчены, и работу едва ли сразу удастся найти. Кто захочет взять на службу «монаха-расстригу»? Но все это уже не могло поколебать его решения уйти из церкви.

— Я не буду просить отпущения у святого отца, так как давно уже сомневаюсь в существовании бога, а в пользу миссионерской работы и подавно не верю. Не хочу быть лицемером!

Альфас Юкнюс поклонился епископу и решительно вышел. «Будь, что будет,— подумал он про себя.— Первый шаг сделан».

¹ Дорогой мой (*итал.*).

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Самый трудный шаг — первый. Совершив его в далеком Эквадоре, Альфас Юкньюс нашел в себе силы сделать и последующие. Разрыв с салезианцами, уход из церкви и, наконец, полный разрыв с религией — таковы этапы духовного освобождения юноши.

Прошло много лет. И сейчас, воскрешая в памяти события давно минувшего времени, Альфас Юкньюс (под именем которого выступает один из авторов повести — А. Гирскис) прекрасно понимает ту роль, которая была отведена ему, молодому миссионеру, в осуществлении политики католической церкви, стремящейся подчинить своему влиянию весь мир. Как честный человек, Альфас не мог мириться с тем, что он видел. Он не мог мириться с бессовестным обманом индейцев, к которому сплошь и рядом прибегали миссионеры, с ненасытной алчностью «слуг господних», для которых собственные интересы и интересы власть имущих были куда важнее, чем заботы и горести индейцев. Его возмущало служение миссионеров делу духовного закабаления малых народов в угоду современным «конкистадорам».

Рисуя правдивые картины деятельности католических миссионеров в далекой заокеанской стране, авторы повести не стремились к обобщениям. Они хотели, чтобы читатель, как бы став очевидцем описываемых ими событий, сам сделал соответствующие выводы.

СОДЕРЖАНИЕ

Правда об отцах-миссионерах. Вступительная статья доктора исторических наук И. Р. Григулевича	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В монастыре	16
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Среди индейцев	46
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Духовная беседа	105
Вместо послесловия	127

*Гирскис Альфонсас Казис,
Яунишкис Бронюс Феликсо*

Я — МИССИОНЕР

Заведующий редакцией А. В. Белов

Редактор Т. И. Трифонова

Младший редактор Г. И. Жарикова

Художник А. Я. Гладышев

Художественный редактор В. А. Тогобицкий

Технический редактор Л. К. Уланова

Сдано в набор 24 сентября 1974 г. Подписано в печать 10 декабря 1974 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 6,72. Учетно-изд. л. 6,13. Тираж 100 тыс. экз. А00291. Заказ № 3870. Цена 21 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

21 коп.

Дорога в бывшую
обитель иезуитов

Столкновение с вождем
хибаро

Миссионер на
золотомойке

Торговля в церкви

Колдун мстит миссиям

Веселье в монастыре

Среди индейцев

Необычная миссия

Через Анды

Чертов мост

Секретная экспедиция

Землетрясение

МИССИОНЕР